

Вот изначальная загадка, связанная с любым путешествием: как путешественник оказывается в исходной точке пути? Как я попадаю к окну, к стене, к камину, как я попадаю, собственно, в комнату; как мне удастся оказаться между этим потолком и этим полом? О, здесь открывается широкий простор для гипотез, аргументов *pro et contra*, допущений, диалектики! Сама я почти не помню, как это случается. В отличие от Ливингстона, скитавшегося в самых темных джунглях Африки, у меня нет ни атласов, ни глобусов земной или небесной сферы, ни карт, где изображены горы и озера, ни секстанта, ни авиагоризонта. Если даже у меня и был когда-то компас, он давным-давно потерялся. Однако должно же мое присутствие здесь иметь хоть какое-то разумное объяснение. Какой-то шаг должен был направить меня к этой точке в противовес всем остальным точкам обитаемого мира. Я должна обдумать и обнаружить причину.

Луиза Боган. Путешествие по моей комнате

Сознание, расширившееся ради новой идеи, никогда не вернется к своему первоначальному размеру.

Оливер Уэнделл Холмс

ВСТУПЛЕНИЕ В МОРЕ ОЩУЩЕНИЙ

До чего же наш мир богат ощущениями, которые мы получаем через органы чувств! Летом нас может выманить из постели сладкий аромат воздуха, льющегося в окно спальни. Солнце рисует муаровые разводы на тюлевых занавесках, и кажется, будто они трепещут от потоков света. Зимой порою слышишь, как птичка кардинал громко стучит в стекло спальни, кидаясь на свое отражение, и хозяйка дома даже спросонок понимает, что это за звук; она расстроено качает головой, встает с кровати, отправляется в мастерскую и наскоро рисует на листе бумаги контур совы или какой-то другой хищной птицы. Она приклеивает рисунок к стеклу, а потом идет в кухню и варит ароматный, чуть горчащий кофе.

Один или даже несколько органов чувств можно временно нейтрализовать – например, погрузившись в воду, нагретую до температуры тела, – но это лишь обострит остальные. Нельзя понимать мир, не изучив его предварительно через радарную сеть ощущений. Возможности органов чувств можно расширить при помощи микроскопа, стетоскопа, робота, спутника Земли, слухового аппарата, очков и т. п., но то, что лежит за пределами физических ощущений, мы познать не в состоянии. Ощущения определяют границы осознания, и, будучи по природе своей исследователями и любителями задавать вопросы, значительную часть жизни мы проводим в метаниях внутри этого продуваемого всеми ветрами, но ограниченного пространства. Мы посещаем цирк, продираемся сквозь джунгли, слушаем громкую музыку, покупаем экзотические благовония, платим бешеные деньги за кулинарные изыски – и даже порой рискуем жизнью, чтобы изведать новый вкус. В Японии повара предлагают отведать рыбу фугу (иглобрюха), которая, если не

приготовить ее единственно верным способом, чрезвычайно ядовита. Лучшие повара оставляют в блюде ровно столько яда, чтобы губы едоков слегка пощипывало, тем самым давая им понять, насколько близко они подошли к границе жизни и смерти. Бывает, конечно, что расстояние до этой границы оценивают неверно: ежегодно несколько любителей фугу умирают прямо во время еды.

Удовольствия, которые приносят нам органы чувств, заметно варьируются в зависимости от той или иной культуры (женщины из племени масаев, закрепляющие свои прически экскрементами, вероятно, находят очень странным обычай американок освежать дыхание при помощи мяты), хотя речь идет об одних и тех же ощущениях. Однако удивительно наблюдать за тем, как физические ощущения возводят своего рода мосты не только между странами и культурами, но и между разными историческими эпохами. Никакие, даже самые привлекательные, идеи не помогут нам так тесно соприкоснуться с прошлым, как способны на это наши органы чувств. Например, читая древнеримского поэта Проперция, чрезвычайно подробно описавшего сексуальное поведение своей возлюбленной Гостию (в стихах он называет ее Кинфией), с которой они имели обыкновение заниматься любовью на берегах Арно, я изумляюсь тому, насколько мало любовный флирт изменился с 20 года до н. э. И сама любовь тоже не очень-то изменилась: Проперций умоляет и тоскует так же, как это делали и делают любовники всех времен. Еще поразительнее то, что тело у его возлюбленной точно такое же, как и у женщины, живущей в наши дни, допустим в Сент-Луисе. За две тысячи лет ничего не изменилось. Все нежные потаенные местечки ее тела влекут и отзываются на ласку точно так же, как у современных женщин. Гостию могла не так, как мы, толковать свои ощущения, но информация, которую она направляла своим органам чувств и которую получала от них, была той же

самой.

Доведись нам отправиться в Африку, туда, где кости Люси, низкорослой праматери всего человечества, тысячи тысяч лет пролежали в земле там, где она упала замертво, и обвести взглядом долину, мы увидели бы в отдалении те же самые горы, что и она. Более того, они, возможно, были последним, что Люси увидела в своей жизни. За прошедшее с тех пор время изменились многие детали окружавшего ее физического мира: и очертания небесных созвездий, и близлежащий ландшафт, и погода, но очертания гор остались почти такими же, как и при ней. А теперь перенесемся на мгновение в Рио-де-Жанейро 1940 года, в изысканное жилище бразильского композитора Эйтура Вилла-Лобуша, чья музыка, одновременно и строгая и непринужденная, начинается с уравновешенных форм европейского стиля, а затем взрывается гикающими, захлебывающимися, скачущими, звенящими звуками дождевых лесов Амазонии. Когда Вилла-Лобуш, сидя за фортепиано в своем салоне, сочинял музыку, он открывал окна, обращенные к горам, окружающим Рио, выбирал себе тот или иной вид на этот день, набрасывал на нотной бумаге очертания гор и руководствовался этим контуром при построении мелодической линии. Между двумя наблюдателями, смотревшими на очертания горных хребтов (одна обитала в Африке, а другой – в Бразилии) – более трех миллионов лет, но процесс восприятия у них был идентичным.

Чувственные ощущения – в своей ясности или же, напротив, трудноуловимости – не помогают осмыслить картину реальности, а раскладывают ее на отдельные звучные ноты и вновь собирают их в понятные нам мелодии. Они выхватывают случайные примеры. Они позволяют мгновению устоять перед лавиной. Органы чувств просеивают элементы, согласовывают воспринятое между собой, идут на взаимные уступки, – и в результате между

ощущениями устанавливаются хрупкие, едва заметные связи. Жизнь стремительным бурным потоком обрушивается на всё и вся. Чувства доставляют в мозг информацию, рассыпанную на мельчайшие осколки, как пазл. Когда достаточное количество осколков складываются в нужном порядке, мозг говорит: корова. Я вижу корову. Это может случиться задолго до того, как удастся рассмотреть животное в подробностях; «рисунок» коровы, созданный органами зрения, может представлять собой силуэт, может ограничиваться половиной туловища или двумя глазами, ушами и мордой. На равнинах Юго-Запада можно иногда заметить вдали мелкое пятнышко с чуть заметной черточкой сверху. «Ковбой, – говорит мозг, – фигура человека в широкополой шляпе». Случается также, что информация поступает как бы через вторые, а то и через третьи «руки» (как облачко пыли у самого горизонта – это мчащийся по грунтовой дороге грузовой автомобиль). Мы называем это *умозаключением* и рассматриваем как некую особо тонкую способность разума.

Матрос стоит на палубе корабля и держит в вытянутых по швам руках семафорные флаги. Вдруг он поднимает руки, широко взмахивает флагами над головой, подавая находящемуся вдали собрату сигнал «Внимание, начинаю передачу», и начинает делать четкие прерывистые движения обеими руками. Моряк выступает передатчиком сигналов для органа чувств. Те, кто видит и разбирает его сигналы, – приемники. Флаги всегда одинаковы, их движения определяются текстом послания, а набор движений позволяет передавать даже довольно сложную информацию. Возьмем другой образ: телеграфистка отправляет по проводам дробь азбуки Морзе. Точки и тире – это нервные импульсы, которые можно сочетать в необходимом порядке, чтобы сообщение стало максимально понятным.

Описывая себя как «разумное» существо, мы имеем в

виду, что обладаем сознанием (слово «сознание» – совместное, разделенное знание – рассматривается как перевод-калька латинского слова «conscientia», от «sentio» – чувствовать, ощущать, которое, в свою очередь, происходит от праиндоевр. «sent» – идти, направляться куда-то, и, следовательно, может толковаться как «передвигаться мысленно»). В буквальном и одновременно широком смысле это означает, что мы сами обладаем чувственным восприятием.

Мы говорим «вышел из себя» о человеке, в гневе утратившем контроль над своим поведением. Никому не придет в голову истолковать эти слова в прямом смысле – что человек покинул свое тело и скитается по миру как бесплотный разум. Считается, что лишь призраки и ангелы непознаваемы при помощи ощущений. Если же под этим выражением мы имеем в виду нечто позитивное – например, состояние трансцендентной безмятежности, описываемое азиатскими религиями, – то говорим об освобождении от материальных ощущений. Благодаря им для нас, смертных существ, бытие является одновременно и проклятием, и благодатью. Мы проводим жизнь на поводке своих ощущений. Они и возвеличивают нас, и ограничивают, и сковывают, но это же прекрасно! Любовь – это ведь тоже прекрасные оковы.

Нам необходимо вернуться к ощущению структуры жизни. XX век в Америке прошел, в значительной своей части, под знаком стремления оторваться от этой самой структуры и раствориться в суровой, простой, мрачной пуританской деловитой повседневности, полностью лишенной столь неподобающей ерунды, как особенности чувственного восприятия. В число величайших сенсуистов всех времен, наряду с Клеопатрой, Мэрилин Монро, Прустом и многими другие знаменитыми любителями наслаждений, входит Хелен Келлер – женщина, лишившаяся после

тяжелой болезни нескольких органов чувств. Но у слепоглухонемой Хелен Келлер те чувства, что продолжали работать, были развиты настолько сильно, что она не только могла наслаждаться музыкой, прикладывая руку к радиорепродуктору, но и была способна различать таким образом духовые и струнные инструменты. Из уст своего доброго знакомого Марка Твена она слушала колоритные рассказы о жизни на Миссисипи. Со сладострастием куртизанки она исследовала бесконечные потоки запахов, вкусов, осязательных ощущений и чрезвычайно подробно описывала свое восприятие. Несмотря на физические недостатки, энергией и жизнелюбием она превосходила очень многих представителей своего поколения.

Нам нравится думать о себе как о высокоразвитых существах, облаченных в костюмы, галстуки, колготки, сорочки, эволюционирующих многие тысячи лет и далеко ушедших в умственном развитии от обитателей пещер, но наши тела не поддерживают эту самоуверенную позицию. Мы гордимся местом на самой вершине пищевой цепочки, но стоит кому-то из нас встретиться с настоящим или воображаемым хищником, как в кровь обильно хлынет адреналин. Мы даже культивируем этот первобытный страх просмотром кинофильмов о чудовищах. Мы продолжаем отмечать границы своих территорий, хотя в наши дни это делается скорее с помощью, например, звуков радиоприемника. Мы так же, как и древние пращуры, боремся за положение в обществе и власть. Мы так же создаем произведения искусства, чтобы радовать свое восприятие и добавлять новые ощущения в переполненный ими мир. Мы так же остро переживаем из-за любви, вожделения, верности и страсти. И все так же воспринимаем мир во всей его неисчерпаемой красоте и ужасе. По-другому просто невозможно. Чтобы хоть немного постичь «благородную болезнь», которую представляет собой

сознание, необходимо понять ощущения – как они эволюционировали, как их можно развить, какие пределы для них существуют, на какие из них мы наложили табу и что они могут рассказать нам о том восхитительном мире, в котором мы имеем счастье жить.

Когда нам нужно что-то понять, в чем-то разобраться, мы говорим, что необходимо «включить голову», то есть разум. Большинство склонно считать, что разум находится в голове. Но новейшие открытия физиологов говорят о том, что на самом деле он не сосредоточен полностью в мозге, а странствует по всему телу с караванами гормонов и ферментов, трудолюбиво осмысляя весь тот сплав чудес, которые мы привыкли называть «осознанием», «вкусом», «обонянием», «слухом» и «зрением». В этой книге я намерена исследовать происхождение и эволюцию ощущений; различие их сознательного восприятия в несхожих культурах; ранг каждого из них в системе ощущений; их роль и место в фольклоре и науке; связанные с ощущениями идиомы, которые мы используем, говоря о мире. Также я собираюсь поговорить здесь и на некоторые «вольные» темы, которые, надеюсь, позабавят других сенсуалистов, как и меня, а менее склонные к экстравагантным размышлениям умы заставят остановиться хотя бы на мгновение и изумиться. Эта книга наверняка принесет людям радость.

ОБОНЯНИЕ

Обоняние – могучий волшебник, способный перенести человека за тысячи миль и лет от места и времени его обитания. Аромат фруктов уносит меня на юг, в окруженный персиковыми садами дом, где прошло мое детство. Другие запахи, пусть даже мимолетные и трудноуловимые, заставляют мое сердце радостно биться или сжиматься от давней, забытой уже печали. При одной только мысли о запахах мой нос наполняют ароматы, пробуждающие милые воспоминания о прошедшем лете и бескрайних зреющих полях.

Хелен Келлер

БЕССЛОВЕСНОЕ ЧУВСТВО

Ничто не откладывается в памяти так хорошо, как запах. Один случайный, мимолетный аромат способен воскресить в памяти детство, лето, проведенное в горах Поконо на берегу озера, густо поросшем дикой голубикой, усыпанной спелыми ягодами, или то время, когда противоположный пол казался загадочным, как межпланетное путешествие. Другой – напомнить о порыве страсти на залитом лунным светом пляже во Флориде, и ночных цветах кактуса цереус, заполняющих всю округу тяжелым ароматом, и огромных бражниках, которые вьются вокруг этих цветов, громко жужжа крыльями. А третий – о семейном обеде с тушеным мясом, лапшевником и сладким картофелем среди буйно цветущих миртовых деревьев в городке на Среднем Западе, и как будто бы на дворе август, и мать с отцом еще живы. Запахи, как своеобразные мины, скрытые под толщей многих лет и впечатлений, неумолимо взрываются в нашем сознании. Стоит споткнуться о «растяжку» запаха – и последует взрыв воспоминаний; из-под плотного дерна взметнутся сложные образы.

Во всех культурах запахам всегда уделялось огромное внимание, порой доходившее до экстравагантности поражающих воображение масштабов. Как Великий шелковый путь когда-то открыл Восток западному миру, так и путь запахов способен открыть нам само сердце природы. Наши давние предки в поисках различных (в зависимости от сезона) плодов земли, хранившихся в неисчерпаемой кладовой природы, руководствовались сведениями, которые исправно поставляли им замечательно чувствительные носы. Мы способны различать более 10 тысяч различных запахов – их так много, что память попросту не сможет соотнести каждый из них с тем, чему он соответствует. В «Собаке Баскервилей» Шерлок Холмс установил личность женщины по запаху писчей бумаги, которой она пользовалась, заметив

при этом: «Есть семьдесят три сорта духов, которые опытный сыщик должен уметь отличать один от другого»¹. Но ведь это очень мало. Вообще-то любому, кто «наделен чутьем» сыщика, не помешало бы умение находить подозреваемых по запаху твидовых костюмов, туши, косметического талька, итальянских кожаных ботинок и бесчисленного множества других вещей. Не говоря уже о тех ярких и безымянных запахах, которые мы распознаем, сами того не замечая. Мозг – отличный рабочий сцены. Он выполняет свою задачу – выстраивает ассоциации, пока мы играем свои роли. Научные исследования показывают, что и дети, и взрослые могут по запаху определить, кто носил тот или иной предмет одежды – мужчина или женщина, – хотя люди в большинстве своем уверены, что не способны на это.

Обоняние может работать чрезвычайно точно, и все же вряд ли кто-то способен описать словами тот или иной запах человеку, который никогда его не ощущал. Например, рассказать, чем пахнут глянцево-белые страницы новой книги, или густо покрытые краской листы, только что сошедшие с ротапринта, или мертвое тело; или передать тонкие различия между запахами цветов Melissa, Kizila и Sireni. Запах – молчаливое, не наделенное словесным выражением ощущение. Отсутствие специфического словаря связывает нам язык, заставляет искать приблизительные соответствия для каждой невыразимой капли из этого моря удовольствий и экзальтации. Видеть мы в состоянии лишь при некоем минимуме освещения, ощущать вкус – только положив предмет в рот, осязать – при наличии контакта с кем-то или чем-то, слышать – если звуки достаточно громкие. Но обоняем мы непрерывно, с каждым вдохом. Закройте глаза – и перестанете видеть, заткните уши – и перестанете слышать, но если вы заткнете нос и попытаетесь перестать нюхать – умрете. Ведь, по сути дела, дыхание вовсе не нейтральный, не отстраненный процесс: это обработка воздуха. Мы

вдыхаем воздух, и он, какое-то время находясь в нашем теле, как будто бы томится там на медленном огне. И выходит при выдохе из нашего тела уже измененным. Мы непрерывно меняем его самим процессом дыхания.

КАРТА ЗАПАХОВ

Дыхание – это цикл, состоящий из двух тактов. При рождении мы делаем первый вдох, умирая – последний выдох. А в промежутке между ними каждый из нас дышит, прогоняя воздух через обонятельные рецепторы. Каждый день мы совершаем в среднем 23 040 вдохов и выдохов, перемещая около 12,5 кубического метра воздуха. Вдох занимает примерно пять секунд: две секунды – на вдох и три – на выдох; в это время молекулы пахучего вещества проходят по дыхательным путям. Вдыхая и выдыхая, мы обоняем запахи. Запахи окутывают нас, витают вокруг, вторгаются в наши тела, исходят от нас. Мы словно бы непрерывно купаемся в них. И все же, если мы пытаемся их описывать, слова подводят, оказываясь лишь негодной имитацией впечатления. Слова – это просто мелкие образные частички грандиозного всемирного хаоса. Но эти частички позволяют сфокусировать восприятие мира, они формируют идеи и рисуют красочные пейзажи восприятия. Наши мысли вырастают из слов. В «Хладнокровном убийстве» Трумена Капоте описано отвратительное совместное преступление двоих негодяев-неудачников. Психолог-криминалист, разбирая случившееся, обратил внимание на то, что по отдельности ни один из этих людей не был способен на злодеяние, но, когда они объединились, получилась как будто бы третья персона, способная убить. Я считаю, что в качестве простой, но эффектной метафоры здесь подойдет химический термин «самовоспламеняющееся вещество». Можно взять два вещества, смешать их – и получить нечто совершенно иное (как пищевая соль, хлорид натрия),

возможно – даже взрывчатое (как нитроглицерин)². Прелесть языка состоит в том, что он, будучи искусственным порождением человека, способен передавать сложные эмоции и ощущения. Но физиологические связи между обонятельным и речевым центрами мозга прискорбно слабы – в отличие от связей между центрами обоняния и памяти, которые как раз и позволяют безмолвно путешествовать во времени и пространстве. Куда более прочные связи соединяют речевой центр с центрами других органов чувств. Увиденное можно описать почти бесконечным потоком образов. Человек способен «проползти муравьем» по поверхности предмета, подробно отметить каждую деталь, воспринять фактуру и охарактеризовать его при помощи таких прилагательных, как «красный», «синий», «яркий», «большой» и т. д. Но кто способен создать карту запахов? Используя такие слова, как «дымный», «серный», «цветочный», «фруктовый», «сладкий», мы описываем запахи в терминах иных явлений (дым, сера, цветы, фрукты, сахар). Запахи чем-то похожи на наших ближайших родственников, имен которых мы не в силах запомнить. Потому мы пытаемся описать порождаемые ими ощущения. И называем тот или иной запах «отвратительным», «пьянящим», «тошнотворным», «приятным», «восхитительным», «вызывающим сердцебиение», «усыпляющим» или «противным».

Мать однажды рассказала мне о том, как они с отцом во Флориде ехали по Индиан-Ривер среди апельсиновых рощ, когда деревья стояли в цвету, наполняя воздух ароматом. Все это вызвало у нее восхищение. «И чем же там пахло?» – спросила я ее. «О, это был изумительный, пьянящий, потрясающий аромат!» – «Но чем же именно там пахло? – снова спросила я. – Апельсинами?» Будь это так, я могла бы купить ей любимый одеколон мадам Дюбарри, фаворитки французского короля, еще в XVIII веке созданный на основе

нероли (эфирного масла апельсинового дерева), бергамота (вещества из апельсиновой цедры) и многих других ингредиентов. (Впрочем, использование нероли в качестве парфюмерного средства восходит еще ко времени сабинян.) «О нет, – ответила она, – вовсе не апельсинами. Чудесный аромат. Восхитительный». – «Опиши его», – попросила я. И она в отчаянии всплеснула руками.

Попробуйте сделать это сами. Опишите запах любимого человека, своего ребенка, кого-то из ваших родителей. Или даже одно из тех популярных обонятельных клише, которые большинство людей могут распознать даже вслепую, – обувной магазин, пекарню, церковь, мясную лавку, библиотеку. Но удастся ли вам описать запах своего любимого кресла, или чердака, или автомобиля? Пол Уэст в романе «Та часть цветков, где сохраняется пыльца» (*The Place in Flowers Where Pollen Rests*) написал, что кровь пахнет пылью. Поразительная метафора, основанная на косвенном впечатлении, как всегда бывает с метафорами, передающими запахи. Еще одну чрезвычайно броскую характеристику придумал другой писатель, Витольд Гомбрович. В первом томе своего дневника он вспоминает о завтраке в «Эрмитаже» с А. и его женой: «Еда пахнет, прошу прощения, на редкость роскошным ватерклозетом». Полагаю, что не понравились ему жареные почки – пусть даже блюдо было приготовлено по высшему разряду. Для того чтобы составить карту запахов, потребуются картографы, наделенные незаурядным обонятельным талантом. Им необходима способность изобретать новые слова, каждое из которых будет достаточно точным – как линия рельефа, отображенная на карте, или направление, указанное компасом. Особое слово, к примеру, должно обозначать аромат макушки младенца, в котором сочетаются запахи талька и свежести, еще не оскверненной жизнью и диетами. Или, допустим, пингвины: они пахнут исключительно пингвинами, и запах

этот настолько специфичен, что можно обойтись одним прилагательным. Но «пингвиний» не подойдет, да и непонятно, то ли это прилагательное, то ли существительное наподобие химического элемента. «Пингвинячий» звучит слишком уж несерьезно. Можно бы сказать «пингвиноподобный», но, во-первых, с таким словом язык сломаешь, а во-вторых, оно не характеризует, а лишь называет предмет. Если для пастели существуют названия цветов – лавандовый, розовато-лиловый, фуксия, темно-фиолетовый (сливовый) и лиловый, – то кто назовет тона и оттенки запахов? Можно подумать, что все человечество загипнотизировали и приказали ему кое-что выборочно забыть. Кстати, вполне возможно, запахи настолько глубоко затрагивают нас еще и потому, что мы не умеем называть их. Все остальные чудеса нашего многообразного мира, щедро описанного словами, так и хочется разобрать по лингвистическим косточкам, обозначения же запахов частенько крутятся на кончике языка, что придает им некую магическую отдаленность, загадочность, безымянную силу, сакральность.

О ФИАЛКАХ И НЕЙРОНАХ

Фиалки пахнут кусочками жженого сахара, выдержанного в лимоне и завернутого в бархат; я могу предложить лишь самый распространенный способ, – определить один запах через другие или при помощи лексикона иных органов чувств. Наполеон в своем знаменитом письме требовал, чтобы Жозефина не мылась две недели до их намеченного свидания, чтобы он мог насладиться всем естеством ее запаха. Однако Наполеон и Жозефина любили фиалки. Жозефина так часто пользовалась духами с фиалковым ароматом, что тот сделался ее отличительным признаком. Когда же она умерла – в 1814 году, – Наполеон посадил фиалки на могиле любимой. Перед самым изгнанием на остров Святой Елены он посетил эту

могилу, сорвал несколько фиалок и положил в медальон, который носил на шее; там они и оставались до конца его жизни. На улицах Лондона XIX века можно было встретить множество бедных девушек, продававших букетики фиалок и лаванды. В «Лондонской симфонии» Ральфа Воан-Уильямса есть фрагмент, в котором инструменты подражают возгласам девушек-цветочниц. Фиалки всегда сопротивлялись и продолжают сопротивляться усилиям парфюмеров. Из них можно сделать высококачественные духи, но это чрезвычайно трудно и дорого. Позволить себе такую парфюмерию могут лишь настоящие богачи – но ведь императрицы, денди, законодатели мод и прожигатели жизни как раз и существуют для того, чтобы обеспечивать парфюмеров работой. Особенность фиалок, запах которых многие считают навязчивым до тошноты, состоит в том, что он не держится долго.

Цветок фиалки на заре весны,
Поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий,
Благоухание одной минуты;

И только³.

В фиалках содержится ион, «запирающий» обонятельные рецепторы. Цветок продолжает источать свой аромат, но мы утрачиваем возможность воспринимать его. Подождите минуту-другую – и запах появится вновь. Потом снова угаснет, и так далее. Вот Жозефине, женщине, наделенной высокой, разве что изредка подавляемой чувственностью, и понравилось сделать своим «фирменным отличием» аромат, который сперва интенсивно воздействует на обоняние, а в следующую секунду оставляет его в девственной неприкосновенности, чтобы затем вновь атаковать. Этот аромат наилучшим образом подходит для флирта. То возникая, то исчезая, он играет в прятки с нашими чувствами, и им невозможно пресытиться. Древние афиняне настолько любили фиалку, что сделали ее символом

и официальным цветком города. Женщины Викторианской эпохи использовали для освежения дыхания (особенно если приходилось пить спиртное) кашу – фиалковые драже. Я пишу эти строки и жую пастилки «Choward's Violet» («нежные сласти, освежающий аромат») с пикантным – сладким и немного затхлым – соком фиалок. С другой стороны, в Амазонии мне довелось варить в котелке *casca preciosa* – ароматное дерево, родственное сассафрасу. Его вываренная кора пропитала мое лицо, волосы, одежду, комнату и, кажется, даже мою душу жарким фиалковым ароматом исключительной тонкости. Но если фиалки на протяжении многих столетий потрясают, кружат головы, вызывают отторжение и одурманивают разными другими способами, то почему же так трудно описать их, не используя иносказаний? Разве мы обоняем как-то косвенно? Ничего подобного.

Обоняние – наиболее прямолинейное из всех наших чувств. Когда я подношу фиалку к носу и делаю вдох, молекулы, содержащие запах, всплывают в носовую полость, что находится за переносицей, и там их поглощают клетки-рецепторы слизистой оболочки, наделенные микроскопическими обонятельными волосками. Пять миллионов этих клеток посылают импульсы в обонятельную луковицу (центр обоняния) мозга. Обонятельные клетки поистине уникальны. Если в мозгу разрушается нейрон, он гибнет навсегда – его восстановление невозможно. Если повредить нейроны глаза или уха, тот или другой орган пострадает навеки. А вот нейроны носа заменяются примерно через каждые тридцать суток и, в отличие от всех прочих нейронов организма, контактируют непосредственно с раздражителем.

В верхней части каждой ноздри расположены окрашенные желтым, густо увлажненные обонятельные области с жировой тканью. Обычно мы рассматриваем наследственность как передачу от предков потомкам роста,

формы лица, цвета волос. Но наследственность определяет и оттенок желтой окраски обонятельной области. Чем он гуще, тем острее и точнее обоняние. У альбиносов обоняние слабое. У животных, наделенных способностью хорошо улавливать и различать запахи, обонятельная область окрашена темно-желтым, а у людей – бледно-желтым. У лисы она красновато-коричневая, у кошки – насыщенного коричневатого-горчичного оттенка. Один ученый утверждал, что у темнокожих людей и обонятельные области более темные, и, следовательно, у них более чувствительные носы. Когда обонятельная луковица что-то воспринимает – во время еды, секса, эмоционального всплеска или прогулки в парке, – она отправляет в кору головного мозга сигнал, и сообщение поступает прямо в лимбическую систему – загадочную, древнюю и тесно связанную с эмоциями область мозга, посредством которой мы чувствуем, вождедем и изобретаем. Обонянию, в отличие от других чувств, не требуется переводчик. Оно действует непосредственно и не зависит от языка, мысли или расшифровки. Запах может вызвать сильный приступ ностальгии, запуская мощные образы и эмоции раньше, чем человек успеет сознательно распорядиться ими. Увиденное или услышанное может очень быстро перетечь в компостную кучу краткосрочной памяти, зато, как отметил Эдвин Т. Моррис в «Благоухании» (Fragrance), память на запахи почти не бывает краткосрочной. Она всегда долгосрочная. Более того, запахи стимулируют обучение и усвоение. «Если детям вместе со списком слов дают обонятельную информацию, – пишет Моррис, – слова будут лучше откладываться в памяти и вспоминаться гораздо легче, нежели те, что не имели обонятельного подкрепления». Вместе с духами мы словно даем человеку некую эссенцию памяти. Киплинг был прав: «Запахи скорее, нежели звуки или образы, заставляют звучать струны нашего сердца».

ОБРАЗ ЗАПАХА

Все запахи разделяются на пять основных категорий (как и цвета, привязанные к первичным цветам): мятный (перечная мята), цветочный (розы), эфирный (груши), мускусный (мускус), смолистый (камфора), гниlostный (тухлые яйца) и едкий (уксус). Парфюмеры достигают столь заметных успехов, употребляя букеты цветочного аромата или просто угадывая верную дозу мускусной или фруктовой добавки. Натуральные составляющие уже не требуются: пахучие вещества делают в лабораториях, соединяя для этого подходящие молекулы. Среди первых духов, полностью составленных из синтетических ароматических веществ (альдегидов)⁴ – «Шанель № 5» (1922 год), ставшие классикой чувственной женственности. С ними связано и немало классических афоризмов. Например, когда репортер спросил Мэрилин Монро, что она надевает, когда ложится в постель, та ответила: «Шанель № 5». Верхний тон этих духов, улавливаемый первым, – это альдегид, в котором нос определяет сдержанные ноты жасмина, розы, ландыша, ириса и иланг-иланга, а затем проявляется базовая нота, поддерживающая аромат и не позволяющая ему улетучиться раньше времени, – ветивер, сандал, кедр, ваниль, амбра, цибетин и мускус. Базовая нота почти всегда основана на веществах животного происхождения, этих древнейших носителях запахов, которые перемещают нас в давно покинутые лесные заросли и саванны.

Многие века люди мучили и порой жестоко убивали животных, чтобы раздобыть четыре секрета различных желез. Первый из них – серая амбра – воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалота и служащее для его защиты от острых краев внутренних раковин каракатиц и «кловов» осьминогов и кальмаров, которыми они питаются. Второй – бобровая струя

– вещество, выделяемое прианальными железами канадских и русских бобров, с помощью которого они метят территорию. Третий – цибетин – внешне похожий на мед секрет пригенитальных желез цивет (виверр), ночных хищных зверьков из Эфиопии. И наконец, мускус – красный желеобразный секрет из кишок восточноазиатского оленя (изюбра). Как люди впервые догадались, что анальные железы некоторых животных содержат ароматические вещества? В некоторых из названных регионов среди пастухов было распространено скотоложество, и нельзя отвергать версию, что оно сыграло тут определенную роль. Поскольку мускус животных очень близок к человеческому тестостерону, мы можем обонять даже столь мизерное его количество, как 0,0000000000009072 грамма. К счастью, современные химики создали уже двадцать вариантов синтетического мускуса – во-первых, для того, чтобы спасти животных от возможного истребления, а во-вторых, чтобы получить такие концентрации запаха, каких трудно достичь, имея дело с натуральными веществами. Напрашивается вопрос: почему выделения пахучих желез оленей, диких свиней, кошек и других животных повышают сексуальную привлекательность человека? Причина, похоже, заключается в том, что они обладают такой же самой химической структурой, что и стероиды, и, обоняя их, мы получаем ту физиологическую реакцию, какую могли бы вызвать человеческие феромоны. Компания International Flavors & Fragrances установила в ходе эксперимента, что у женщин, нюхавших мускус, сокращался менструальный цикл, чаще происходили овуляции, и они легче беременели. Играло ли тут роль ароматическое вещество? Вовсе не обязательно. Могут ли запахи оказывать на нас биологическое влияние? Совершенно точно могут. У женщин, вдыхающих запах мускуса, происходят гормональные изменения. Что до того, почему нас так восхищают цветы... Цветы ведут

откровенную и энергичную половую жизнь: аромат цветка сообщает всему миру о его фертильности, доступности и желании; о том, что его репродуктивные органы полны нектара. Цветочный запах напоминает об уже рудиментарных для нас плодовитости, энергичности, жизненной силе, всеобъемлющем оптимизме, надеждах на лучшее и страстном цветении юности. Мы вдыхаем этот теплый аромат и, невзирая на возраст, чувствуем себя молодыми и неотразимыми в мире плотского вожделения.

Солнечный свет выжигает запах из предметов; это подтвердит каждый, кто вывешивал залежавшееся белье для прогрева на солнце. И все же затхлый, отталкивающий запах сохраняется очень долго, хотя и слабеет. Чтобы запустить возбуждение рецептора, достаточно всего восьми молекул вещества, но, чтобы *почувать* что-то, необходима работа сорока нервных окончаний. Далеко не все обладает запахом: лишь достаточно летучие вещества, способные распылять микрочастицы в воздух. Мы повседневно сталкиваемся с множеством веществ – например, камень, стекло, сталь, слоновая кость, – которые не испаряются при комнатной температуре и, следовательно, не позволяют их обонять. Если нагревать капусту, она «обретает летучесть» (все больше частиц испаряются и перемещаются в воздухе), и ее запах резко усиливается. Из-за невесомости космонавты в полете утрачивают ощущения запаха и вкуса. В отсутствие гравитации молекулы лишаются подвижности, и поэтому лишь очень малое их количество проникает в нос достаточно глубоко, чтобы их можно было распознать как носителей запаха. Это серьезная проблема для кулинаров, создающих «космическую еду». Вкус пищи в наибольшей степени зависит от ее запаха; некоторые химики в своих утверждениях доходят до того, что вино – это всего лишь глубоко ароматизированная безвкусная жидкость. Они говорят, что если вы будете пить вино во время насморка, то

решите, что это просто вода. Прежде чем удастся распробовать вкус чего угодно, вещество необходимо растворить (например, твердая карамель должна растаять в слюне), а для того, чтобы мы могли почуять запах, молекулы вещества должны раствориться в воздухе. Мы различаем лишь четыре вкуса: сладкий, кислый, соленый и горький. Это означает, что все, что мы называем «вкусами», на самом деле «запахи». Но многие виды пищи, которые мы якобы обоняем, ощущаются нами лишь на вкус. Сахар не летуч, и мы не можем обонять его, зато отчетливо воспринимаем вкус. Если мы хотим распробовать и оценить какой-нибудь деликатес, нужно взять кусочек в рот и сделать вдох: воздух из рта пройдет через обонятельные рецепторы, и мы сможем как следует воспринять запах.

Но каким образом мозгу удастся распознавать и каталогизировать так много запахов? Одна из теорий запахов – стереохимическая теория Дж. Эймура – предполагает связь между геометрическими формами молекул и обонятельными ощущениями, которые они вызывают. Молекула определенной формы попадает в соответствующую нишу нейрона и порождает нервный импульс, который отправляется в мозг. Muskusные запахи порождаются дисковидными молекулами, на которые реагируют эллиптические чашевидные клетки нейронов. Мятные запахи производят клиновидные молекулы, которые улавливаются V-образными клетками. Камфарные запахи – сферические молекулы, на которые реагируют эллиптические клетки, меньшие по размеру, чем те, что предназначены для мускуса. Эфирные запахи – палочковидные молекулы, улавливаемые куветоподобными клетками. Цветочные запахи создают дисковидные молекулы с хвостами, которым соответствуют клетки, похожие на чашу с блюдцем. Молекулы гнилостных запахов имеют отрицательный заряд и притягиваются к положительно заряженным клеткам. У едких запахов

молекулы заряжены отрицательно и попадают на участки с положительным зарядом. Некоторые запахи воспринимаются двумя-тремя видами клеток сразу и создают эффект букета (смеси). Эймур обнаружил свою теорию в 1949 году, но практически то же самое говорил в 60 году до н. э. энциклопедист своей эпохи римский поэт Лукреций в поэме «О природе вещей». Метафора «замок и ключ» все чаще употребляется для объяснения различных явлений природы, как будто мир – это зал с множеством дверей. А может быть, замок с ключом – это всего лишь очень знакомый образ, относящийся к одному из немногочисленных методов, с помощью которых род человеческий осмысливает окружающий мир (два других – это язык и математика). Как некогда сказал Абрахам Маслоу: «Если бы единственным орудием человека был ключ, он каждую проблему представлял бы себе в виде замка».

Некоторые запахи бывают восхитительными в слабой концентрации и отвратительными при избытке. Фекальный смрад чистого цибетина может вызывать рвоту, но его микроскопическая доза придает духам свойства афродизиака. Совсем небольшие порции некоторых запахов – например, камфары, эфира, гвоздичного масла – перегружают нос и делают дальнейшее обоняние практически невозможным. Некоторые вещества, как обонятельный эквивалент проводниковой боли, пахнут как нечто абсолютно иное (горький миндаль – цианидом, тухлые яйца – серой). У одних людей есть обонятельные «слепые пятна» (особенно это касается мускусных запахов), зато другие способны улавливать слабые и мимолетные запахи. Рассуждая о том, что является нормой для человека, мы склоняемся к сужению рамок. Одно из удивительных свойств, присущих запаху, заключается в широчайшем разбросе реакций на него, обнаруживаемых на кривой, которую принято называть фигурой нормального

распределения.

ПОТОКИ СВЕТА

Большая часть жизни проходит как бы фоном, но на долю искусства выпадает проливать свет на то, что находится в тени, и обновлять тем самым жизнь. Многие писатели питали пристрастие к запахам: чай и печенье мадлен с ароматом лайма у Пруста; у Колетт – цветы, возвращающие ее в детство – в сад и к матери, Сидо; парад городских запахов у Вирджинии Вулф; воспоминания Джойса о детской моче и клеенке, святости и грехе; промокшая под дождем акация у Киплинга, напоминавшая ему о доме, и тяжелый казарменный дух военной жизни («одно дуновение... это вся Аравия»); зловоние Петербурга у Достоевского; записные книжки Кольриджа, в которых он пишет, что «навозная куча издали пахла мускусом, а дохлая собака – увядающими цветами»; восторженное повествование Флобера о запахе шлепанцев и митенок его любовницы, которые он хранил в ящике письменного стола; прогулки Генри Торо по залитым лунным светом полям, наполненным сухим ароматом кукурузных метелок, запахом заплесневелой, истекающей соком переспелой черники и ягод мирта, пахнущих «как маленькая кондитерская лавка»; обонятельные экскурсии Бодлера, чью «душу возносят ароматы духов, как души других – звуки музыки»; приводимые Мильтоном описания запахов, которые Бог с удовольствием воспринимает Своими божественными ноздрями, – и противопоставленные им излюбленные Сатаной «дух убийства, запах неисчетных жертв»⁵; фетишистские и глубоко интимные повествования Роберта Геррика о благоуханных груди, губах, руках, бедрах, ногах его возлюбленной, с которыми не сравнятся все благовония Востока; утверждение Уолта Уитмена, что «запах моих подмышек ароматнее всякой молитвы»⁶; пробужденные

запахами воспоминания об отрочестве в «Патрицианской тоге» Франсуа Мориака; первое упоминание в литературе о свежести дыхания, которое мы встречаем в «Рассказе мельника» Чосера; использование образов ароматных цветов в тончайших сравнениях Шекспира («Фиалке ранней бросил я упрек: / Лукавая крадет свой запах сладкий / Из уст твоих...»)⁷; бельевой шкаф у Чеслава Милоша, «наполненный сумятицей безмолвных воспоминаний». Жорис Карл Гюисманс был одержим обонятельными галлюцинациями, которые включали запахи спиртного и женского пота. Его гедонистический роман «Наоборот», считающийся примером декаданса, был буквально пронизан ими. Одна из героинь Гюисманса «от некоторых ароматов и запахов падала в обморок. Дама была нервной, истеричной, обожала умащать свой бюст благовониями, но настоящее, высшее наслаждение испытывала лишь тогда, когда в разгар ласк умудрялась почесать гребнем голову или вдохнуть запах сажи, известки, которую смочил дождь, а также дорожной пыли, прибитой летним ливнем»⁸.

Среди всех поэтических произведений, пожалуй, наибольшее внимание запахам уделено в Песни песней царя Соломона. Там не говорится напрямую о теле и даже о естественных запахах, и тем не менее описание любовного томления вращается вокруг благовоний и парфюмерии. В пустынных краях, где происходили события, вода поистине была драгоценностью, поэтому люди часто и обильно пользовались разнообразными ароматическими средствами. Пара влюбленных, с нетерпением ожидавшая дня свадьбы, ласково и страстно обменивалась полными искренней любви словами. Во время трапезы девушка называет юношу «мировым пучком», «кистью кипера» «в виноградниках Енгедских»⁹, он строен и мускулист, «похож на серну или молодого оленя»¹⁰. Для него же ее неоспоримая

девственность – это тайна, «запертый сад <...> заключенный колодезь, запечатанный источник»¹¹. «Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!»¹² Он же говорит ей, что в брачную ночь войдет в этот сад, и перечисляет плоды и специи, которые найдет там: «...сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами; садовый источник – колодезь живых вод и потоки с Ливана»¹³. Она облачит его в ткани любви и со щедростью океана переполнит его чувствами. Она, столь же взбудораженная этими любовными песнопениями и охваченная любовным томлением, в ответ обещает распахнуть перед ним ворота сада: «Поднимись ветер с севера и принеси с юга, повеи на сад мой, – и польются ароматы его! – Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его»¹⁴.

В романе Патрика Зюскинда «Парфюмер», действие которого происходит в Париже XVIII века, герой от рождения лишен собственного естественного запаха, зато обладает невероятно острым обонянием, которое развил до сверхъестественного уровня: «Вскоре он различал по запаху уже не просто дрова, но их сорта: клен, дуб, сосна, вяз, груша, дрова старые, свежие, трухлявые, гнилые, замшелые, он различал на нюх даже отдельные чурки, щепки, опилки – он различал их так ясно, как другие люди не смогли бы различить на глаз». Выпивая ежедневный стакан молока, он по запаху определял настроение коровы, у которой его взяли, на улице легко узнавал, откуда идет каждый дымок. Отсутствие у него собственного запаха пугало окружающих, они третировали его, что окончательно испортило характер героя. Постепенно он научился создавать для себя

персональные запахи; посторонние об этом совершенно не догадывались, ему же это придавало сходство с обычными людьми. В частности, «он сделал для себя запах незаметности, мышино-серое будничное платье, в котором кислотовато-сырный человеческий аромат хотя и присутствовал, но пробивался лишь слегка»¹⁵. Со временем пристрастие к парфюмерии сделало его убийцей: он стал извлекать из тел определенных людей их ароматы – как из цветов.

Во многих литературных произведениях описаны случаи, когда человек, уловив какой-то запах, погружается в глубины памяти. В романе Пруста «В сторону Свана» всплеск запаха взметает мощный вихрь, в который уместились все события целого дня из детства героя:

...я прохаживался между скамеечкой для коленопреклонений и креслами, обитыми тисненым бархатом, на спинки которых были накинута вязаные салфеточки, чтобы не пачкалась обивка; при этом огонь камина выпекал, словно паштет, аппетитные запахи, которыми весь был насыщен воздух комнаты и которые уже подверглись брожению и «поднялись» под действием свежести сырого и солнечного утра; огонь слоил их, румянил, морщил, вздувал, изготавливая из них невидимый, но осязаемый необъятный деревенский слоеный пирог, в котором, едва отведав более хрустящих, более тонких, более прославленных, но и более сухих также ароматов буфетного шкафа, комода, обоев с разводами, я всегда с какой-то затаенной жадностью припадал к неопишуемому смолисто-му, приторному, неотчетливому, фруктовому запаху вытканного цветами стеганого одеяла¹⁶.

Чарльз Диккенс всю жизнь повторял, что даже легкое дуновение, содержащее запах ваксы или клея, с необоримой силой пробуждает в нем воспоминания о тяжелом детстве, когда ему из-за банкротства отца пришлось наняться в мастерскую и за грошовое жалованье клеить этикетки на банки с сапожным кремом. В X веке гениальная японка,

придворная дама Мурасаки Сикибу, написала «Повесть о Гэндзи», первый в истории роман. Любовная линия в нем проходит на подробно прописанном историческом и социальном фоне, в который включен и алхимик-парфюмер, составляющий ароматические комбинации в соответствии с индивидуальной аурой и общественным положением клиентов. Умение описывать запахи стало серьезным испытанием для авторов, прежде всего стихотворцев. Разве можно доверять поэту, описывающему муки сердца, если он не в состоянии передать запах святости в церкви?

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ МОНАРХОВ

У каждого есть воспоминания, связанные с запахами. Одно из моих связано не столько с запахом, сколько с пахучими испарениями. Как-то раз на Рождество я путешествовала по калифорнийскому побережью, участвуя в проекте «Монарх» Лос-Анджелесского музея – мы выслеживали на местах зимовки и помечали бабочек-монархов. Они предпочитают зимовать в эвкалиптовых рощах, наполненных благоуханием. И в первый раз, и при каждом следующем посещении этих рощ мне на память приходили детские простуды и ментоловое растирание. Мы забирались высоко на деревья, где золотыми трепещущими гирляндами висели бабочки, и собирали одну из стаяк в сачки на телескопических ручках, а затем устраивались на земле, густо покрытой южноафриканской хрустальной травой. Этот суккулент – одно из немногих растений, способных выдерживать капающее с листьев эвкалиптовое масло. Оно заставляет держаться подальше от рощ ползающих насекомых, поэтому в залитых солнечным светом лесах стоит безмятежный покой и нет никого, кроме немногочисленных королевских квакш, скрипящих так, будто кто-то открывает замок сейфа, да соек, норových сдуру полакомиться бабочками-монархами (в крыльях которых содержится яд, схожий с наперстянкой). Я не только

чувствовала запах эвкалиптовых испарений, но и ощущала их носом и горлом. Самые громкие звуки напоминали скрип двери – это пласты коры отслаивались от деревьев и падали наземь, где им предстояло вскоре свернуться в трубочку наподобие папируса. Куда ни глянь – везде валялись эти свитки, словно разбросанные древним писцом. И все же, несмотря ни на что, нос упорно переносил меня в Иллинойс 1950-х годов. Учебный день, но я нежусь в постели, и мама растирает мне грудь эвкалиптово-ментоловым бальзамом «Vicks VapoRub». Запах и воспоминания еще сильнее погружали нас в блаженный покой часов, проведенных в этом лесу за созерцанием уникальных бабочек, которые никого не ловят и питаются исключительно нектаром, как древние боги. Но эти воспоминания делаются вдвое милей благодаря тому, что они в моем сознании наложились одно на другое. Хотя первое прикосновение к зимовке бабочек запустило цепочку воспоминаний о детстве, впоследствии сама экспедиция к бабочкам превратилась в воспоминание, точно так же пробуждаемое запахами, и более того – вытеснило первоначальное. Однажды на Манхэттене я остановилась около продавца цветов (как я всегда делаю в поездках), чтобы купить свежий букет в гостиничный номер. В двух банках стояли ветки круглолистного эвкалипта, и листья его, похожие на серебряный доллар, были еще свежими, голубовато-зелеными, с мучнистым налетом; некоторые из них были сломаны, и из надломов тек сок с густым резким ароматом. По Третьей авеню шел густой поток машин, труженики из Департамента коммунальных работ гремели отбойными молотками, над улицами поднималась пыль, висевшая в небе серой пеленой, – но я вдруг оказалась в прекрасной эвкалиптовой роще близ Санта-Барбары. Над руслом пересохшей речки тучей вились бабочки. Я расслабленно сидела на земле, извлекая из сачка очередную золотую с черным бабочку-монарха, осторожно

помечала ее, выпускала в воздух и провожала глазами, чтобы убедиться, что она благополучно улетела прочь со своим новым элементом узора, похожим на крохотный эполет на крыле. Безмятежный покой тех минут накатила волной и наполнил все мои ощущения. Молодой вьетнамец, расставлявший свой товар, уставился на меня, и я поняла, что на моих глазах выступили слезы. Весь эпизод вряд ли длился дольше нескольких секунд, но объединенные воспоминания наделили безобидные веточки невероятной силой, которая потрясла меня. В тот же день я отправилась в один из моих любимых магазинов, бутик в Виллидже, где составляют масляные смеси для ванн на базе миндального масла, делают шампуни и лосьоны для тела с другими ароматическими ингредиентами. Под кронштейном для душевой лейки у меня висит голубая сетчатая сумочка вроде тех, с какими француженки ходят за продуктами; в ней я держу множество различных снадобий для ванны. Знаю, что лучше всего успокаивает эвкалипт. Но как же получается, что несколько молекул клея (у Диккенса) или эвкалипта (у меня) способны перенести человека в миры, не достижимые никакими другими средствами?

ОКЕАНЫ ВНУТРИ НАС

Проезжая по сельской местности летом на закате, встречаешь множество различных запахов: навоза, скошенной травы, жимолости, мяты, соломы, зеленого лука, цикория и гудрона от асфальтовой дороги. Встреча с новыми запахами – это одна из прелестей путешествия. На заре эволюции путешествовать приходилось отнюдь не ради удовольствия, а лишь ради пропитания, и запах играл существенную роль в жизни. Очень многие виды морских обитателей вынуждены сидеть и ждать, когда пища заплывет в рот или окажется в пределах досягаемости щупалец. Мы же, руководствуясь запахом, превратились в кочевников, способных сняться с места и отправиться на поиски пищи,

охотиться и даже иметь какие-то пищевые предпочтения. Наши далекие предки – рыбы пользовались обонянием для того, чтобы искать брачного партнера или узнавать о приближении барракуды. Обоняние было также бесценным дегустатором, не допускавшим попадания в рот и, далее, в хрупкую закрытую телесную систему большинства ядовитых веществ. Обоняние появилось первым из чувств и оказалось настолько удачным, что небольшой клочок обонятельной ткани, венчавший нервный тяж, превратился в головной мозг. Полушария головного мозга некогда были отростками обонятельных стебельков. Мы *мыслим*, потому что *обоняем*.

Чувство обоняния, как и многие другие телесные функции, – это атавизм, сохранившийся со времен начала эволюции, когда мы обитали в океане. Чтобы слизистые мембраны могли уловить запах, пахучее вещество должно было сначала раствориться в воде. Несколько лет назад, плавая с аквалангом на Багамах, я впервые осознала две вещи: что мы носим океан в себе и что наши вены – это отражение приливов и отливов. Я, человеческое существо, женщина, оказавшись в безмятежном пульсирующем лоне океана, из которого многие миллионы лет назад явились наши предки, испытала такое потрясение, что у меня прямо под водой потекли слезы, и я смешала свою соленую воду с океанской. Эти мысли отвлекли меня; я оглянулась по сторонам, чтобы определить, где находится лодка и где я, и не смогла. Но это было не важно: дом был повсюду.

В результате этого кратковременного мистического единения с миром мои носовые пазухи заполнились, слизистые вдруг ощутили боль, и мне пришлось снять маску, прочистить нос, высморкавшись необычным способом, в два приема, и привести в порядок эмоции. Но я навсегда запомнила это ощущение родственности. Наша кровь – это по большей части соленая вода; раствор соли все еще необходим нам для увлажнения глаз и хранения контактных

линз; о женских вагинах многие века говорили, что они пахнут рыбой. Более того, Шандор Ференци, последователь Фрейда, пошел еще дальше. В работе «Таласса, опыт генитальной теории» (Thalassa, Versuch einer Genitaltheorie) он пришел к выводу, что мужчины занимаются любовью с женщинами лишь потому, что женское влагалище источает запах селедочного рассола, и мужчины пытаются вернуться в первозданный океан. Бесспорно, это одна из самых курьезных теорий на этот счет. Правда, ее автор не выдвигает соображений по поводу того, зачем женщины связываются с мужчинами. Один исследователь утверждал, что «рыбный запах» – это не свойство вагины, а всего лишь следствие отсутствия гигиенических процедур после полового сношения, и причиной его является вагинит или оставшаяся сперма. «Если ввести сперму в вагину и оставить ее там, появится рыбный запах», – доказывал он. Этот тезис обладает определенной убедительностью с этимологической точки зрения – ведь во многих европейских языках жаргонные слова для выражения понятия «проститутка» происходят от индоевропейского корня «ри» – гниль, разложение. По-французски – putain; по-ирландски – old put; по-итальянски – putta; на испанском и португальском – puta. То же происхождение имеют английские слова «putrid» (гнилой), «pus» (гной), «suppurate» (гноиться) и латинское «putorius» (скунс, зверек из семейства куньих, выделяющий невероятно зловонную жижу). Название «skunk» (скунс) происходит от слова, которым индейцы-алгонкины называли хорька (англ. polecat), а ведь именно этим словом в Англии XVI и XVII веков издевательски называли проститутку. Мы не только обязаны океану чувствами обоняния и вкуса – мы до сих пор похожи на него запахом и вкусом.

ПОТ У РАЗНЫХ НАЦИЙ

Люди как таковые обладают сильным телесным запахом, и антрополог Луис С. Б. Лики считал, что наши предки

могли вонять даже намного сильнее – так, что хищники предпочитали обходить их. Не так давно я изучала в Техасе летучих мышей. Я посадила большую индонезийскую летучую лисицу себе на голову, чтобы посмотреть, действительно ли она запутается в волосах, как утверждают легенды тех краев. Она не только не запуталась, но начала негромко кашлять от исходившей от меня смеси запахов мыла, одеколona, соленой влаги, масел и прочих человеческих ароматов. Когда я посадила зверька обратно в клетку, он долго чистился, как кошка, наверняка ощущая себя оскверненным контактом с человеком. Многие растения – например, розмарин или шалфей – в ходе эволюции выработали едкий запах, чтобы отпугивать травоядных; почему бы такому свойству не быть у животных? Природа редко отказывается от выигранных стратегий. Конечно, некоторые представители рода человеческого пахнут сильнее, чем другие. Народная мудрость утверждает, что брюнеты, рыжие и блондины пахнут по-разному. Существует так много анекдотических свидетельств того, что каждой расе якобы присущ особый запах, зависящий от питания, образа жизни, обильной или скудной волосистости, и это обстоятельство трудно сбросить со счетов, несмотря на то что большинство ученых не решается затрагивать эту тему, опасаясь вполне возможных обвинений в расизме¹⁷. Исследований в области национальных и расовых особенностей запаха было совсем немного. В любом случае ни одна культура не «пахнет» лучше или хуже иной – просто по-другому, но эта разница как раз и может порождать оскорбительные обвинения представителей иных рас в том, что они «воняют». У азиатов меньше апокриновых желез в основании волосяных фолликулов, чем у жителей Запада, и поэтому они часто считают, что от европейцев пахнет тухлым. Сильный телесный запах встречается у японских мужчин так редко, что одно время пахнувших могли не

допускать к службе в армии. Именно поэтому в быту жителей Азии так распространены ароматизаторы для помещений, а для тела встречаются редко. Острые запахи хорошо поглощаются жирами: если положить в холодильник лук или мускусную дыню и открытый кусок сливочного масла, оно пропитается этим запахом. Волосы также содержат жир, поэтому они оставляют сальные следы на подушках и салфетках, которыми накрывают подголовники в самолетах, и впитывают запахи – например, дыма или одеколона. Из-за сильной волосистости европеоиды и чернокожие потеют намного сильнее, чем азиаты, но одеколоны «кипят» в их жировых выделениях и испаряются, как на аромалампе.

Телесный запах создают апокриновые железы, густо сконцентрированные в областях подмышек, на лице, груди, около гениталий и ануса; у новорожденных они малы и постепенно увеличиваются по мере взросления. Некоторые ученые считают, что значительная часть удовольствия от поцелуя вызывается тем, что человек ласкает и нюхает лицо партнера, источающее его неповторимый запах. У многих племен в разных частях мира – на острове Борнео, на реке Гамбии в Западной Африке, в Бирме, Сибири и Индии – поцелуй называют тем же словом, что и обнюхивание; на самом деле поцелуй – это продолжительное обнюхивание любимого человека, друга или родственника. В одном из племен Новой Гвинеи прощаются, засовывая руки под мышки друг другу, потом вынимают их и гладят себя, как бы покрываясь запахом того, с кем расстаются; в других культурах, здороваясь, обнюхиваются или трутся носами.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОГО ЗАПАХА

Мясоеды пахнут не так, как вегетарианцы, дети – не так, как взрослые, курильщики – не так, как некурящие. Личные запахи могут зависеть от наследственных факторов, состояния здоровья, профессии, диеты, принимаемых

лекарств, эмоционального состояния, даже настроения. Рой Бедичек в «Смысле запаха» (The Sense of Smell) написал: «Телесный запах добычи возбуждает хищника; рот его наполняется слюной, все волокна мышц напряжены, все чувства обострены. В это же время в ноздрях его добычи страх и ненависть ассоциируются с телесным запахом хищника¹⁸. Таким образом, на низовом уровне жизни животных специфический запах эволюционировал вместе с ними и стал идентифицироваться с определенными настроениями». У каждого человека имеется запах, столь же неповторимый, как отпечатки пальцев. Собака легко определяет запахи и узнает хозяина или хозяйку даже рядом с неотличимым на вид близнецом. Хелен Келлер уверяла, что, всего лишь приюхаясь к людям, может определить «их профессию. Запахи дерева, железа, краски и лекарств пропитывают одежду работников. <...> Когда человек быстро проходит мимо, я получаю обонятельное представление о том, где он побывал, – на кухне, в саду или в комнате больного».

Для людей с повышенной чувствительностью нет ничего более головокружительного, чем мускусный запах потного тела любимого или любимой. Но естественный телесный запах не кажется большинству из нас таким уж привлекательным. В конце XVI века, во времена королевы Елизаветы, любовники обменивались «яблоками любви» – женщина держала очищенное яблоко под мышкой, чтобы оно пропиталось ее потом, а затем давала его любимому, чтобы тот вдыхал ее запах. В наши дни целые отрасли промышленности заняты истреблением наших естественных запахов и заменой их на искусственные. Почему же дыхание с запахом перечной мяты нравится нам больше, чем запах гниющего бактериального налета, наш «естественный» запах? По правде говоря, неприятный запах может сообщать о нездоровье; человек с таким запахом вполне может

производить дурное впечатление, а избыток гнилостных бактерий во рту собеседника может наводить на мысль, что он, допустим, жертва холеры и от него можно заразиться. Но по большей части мы отдаем предпочтение каким-то запахам благодаря активности дельцов с Мэдисон-авеню и собственной легковёрности. Паранойя на почве запахов приносит дельцам хороший доход. Они весьма изобретательны в погоне за прибылью: к примеру, уверяют нас, что мы «оскорбляем чувства» других и что нам необходимы лосьоны и ароматические средства, маскирующие природные запахи.

Но что же имеется в виду под названием «дурной запах»? И какой запах можно считать наихудшим? Ответ определяется принадлежностью к культуре, эпохой и личным вкусом человека. Жители Запада считают отвратительным запах фекалий, а масаи любят мазать волосы коровьим навозом, который придает прическам оранжево-коричневый цвет и сильный запах. Детям нравится большая часть запахов, пока в процессе взросления им не объяснят, что должно нравиться, а что – нет. Когда знаменитый писатель, натуралист и деятель охраны природы Джеральд Даррелл отправился в экспедицию на остров Родригес – ловить для своего зоопарка на острове Джерси летучих собак, питающихся фруктами, – он использовал как приманку джак. Это большой, безобразный с виду, похожий на дикобраза зеленый шишковатый плод, запах белой мякоти которого представляет собой нечто вроде «смеси смрада, исходящего из разрытой могилы и выгребной ямы». Описание показалось мне весьма непривлекательным, и я – только для того, чтобы проверить его истинность, – внесла пункт «остров Родригес в сезон урожая плодов» в длинный список тех мест, которые следовало бы посетить, чтобы испытать присущие им сенсорные ощущения.

Существующее испокон веков трудно контролируемое

явление – выпуск «ветров» – считается отталкивающим и неприличным; запах кишечных газов даже называли смрадом дьявола. В разделе «Болезни органов пищеварения» знаменитого пособия по медицине Merck Manual есть подраздел «Жалобы, связанные с газообразованием», где описаны возможные причины избыточного количества газов, способы его лечения и многочисленные симптомы и характеристики газов, а также приведено такое наблюдение:

Существует большая вариабельность в объеме и частоте выделения газов из прямой кишки. В одном из исследований упоминался пациент, имевший 141 случай флатуса в сутки, в том числе 70 выделений за 4 часа. Метеоризм, который может быть причиной большого психосоциального стресса, неофициально описан в соответствии с его характерными особенностями: 1) «ползун» (тип «переполненного лифта»), который выпускается медленно и бесшумно, иногда с пагубным эффектом; 2) открытый сфинктер или тип «фу», при котором чем выше температура, тем флатус имеет более сильный запах; 3) тип стакато или барабанного боя, приятно проходит в уединении и 4) тип «лая» (описан в личном сообщении), характеризующийся острым шумным извержением, которое может быстро прерываться (и часто заканчивается) при разговоре. Характер запаха не является заметной особенностью.

Несмотря на внимание к проблеме загрязнения воздуха и ухудшения его качества, серьезных исследований метеоризма не проводилось. Впрочем, несмотря на огнеопасную природу H и CH₄, при выделении газов наружу близко расположенный открытый огонь безопасен; известно, что подростки порой развлекаются, выпуская газы на горящую спичку. Случается даже, что этот малоприятный симптом используют в неожиданных целях. Ле Петоман – французский метеорист и артист эстрады – был известен своим феноменальным контролем мышц живота, что позволяло ему управлять испусканием кишечных газов. Он играл мелодии газом из прямой кишки на сцене Мулен Руж¹⁹.

Ален Корбен в своей замечательной книге «Миазм и

нарцисс. Обоняние и социальное воображение в XVIII–XIX веках» (Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIII–XIX siècles) описал открытые сточные каналы Парижа эпохи революции и указал на важную роль запахов для окуривания. Человечество издавна практикует их для разных целей – дезинфекции (особенно при эпидемиях чумы), борьбы с насекомыми и даже в религиозных и моральных целях. Полы средневековых замков посыпали тростником, лавандой и чабрецом, что, как считалось, должно уберечь от тифа. Запахи были элементом магии и алхимии, использовались для предсказаний и заклинаний. Если похвалы, которые реклама возносит современной парфюмерии, кажутся чрезмерными, то подумайте о том, сколько чудес ожидали от ароматических веществ в XVI веке. Автор книги о косметике «Секреты мэтра Алексиса из Пьемонта» (Les secrets de Maître Alexis le Piémontais) уверял, что его туалетная вода сделает женщин привлекательными не то что на вечер, но прекрасными «навсегда». Весьма серьезная заявка; однако потенциальным потребительницам стоило бы прочесть и мелкий шрифт. Вот чудовищный рецепт из этой книги: «Возьми из гнезда птенца ворона и сорок дней откармливай его крутыми яйцами, после чего умертви и дистиллируй вместе с листьями мирта, тальком и миндальным маслом». Изумительно! Дама, несомненно, превратится в прекрасную ворону и навеки оседлает стреху, ну а на такие мелочи, как зловоние и непреодолимое желание процитировать Эдгара По, можно не обращать внимания.

ФЕРОМОНЫ

Феромоны – это выючные лошади полового влечения (слово составлено из др.-греч. корней φέρω – несу и ὀρμάω – возбуждаю, побуждаю). Животные (и мы в том числе) обладают не только собственными запахами, но и чрезвычайно эффективными феромонами, которые могут запускать овуляцию и брачное поведение или определять

иерархию в стае. С помощью запахов животные делают разнообразные метки, подчас весьма изобретательно. Полевки и галаго мочатся на собственные подошвы и, обходя территорию, отмечают таким образом ее границы. Некоторые антилопы делают пометки на деревьях выделениями пахучих желез, расположенных на морде. У кошек тоже имеются пахучие железы на щеках – именно поэтому они трутся мордочками о людей или о полубившуюся им ножку стола. Погладьте кошку, и она – если, конечно, любит вас, – примется вылизываться, чтобы лучше ощутить ваш запах. И ваше любимое кресло она выбирает для того, чтобы точить когти и спать там, свернувшись клубком, не потому, что оно мягкое, а из-за вашего запаха. Хорьки и барсуки трутся о землю анусом, чтобы пометить ее. Джейн Гудолл в «Невинных убийцах» сообщила, что кобели и суки диких собак метят запахом соседние травинки или даже одну и ту же, чтобы сообщить всем, кого это может заинтересовать, что они живут парой. Когда моя подруга выходит на прогулку с немецкой овчаркой Джеки, та, обнюхивая тротуары, камни и деревья, получает полное представление о том, какие собаки там побывали, об их возрасте, поле, настроении, состоянии здоровья и о том, давно ли оставлена метка. Для Джеки это все равно, что прочесть колонку светских новостей в утренней газете. Тропинка открывает перед ее носом множество интересного, совершенно недоступного для глаз и обоняния ее хозяйки. Джеки добавляет свой запах на «доску объявлений» на травяной кочке, и следующий пес прочтет сообщение: «Джеки, 5 часов дня, молодая сука, на гормональной терапии из-за воспаления мочевого пузыря, в меру упитанная, веселая, ищет друга».

Бывает, что требуется не только сообщить о последних новостях, но и сохранять информацию неизменной длительное время, как маяк, помогающий животным

преодолеть завесу неопределенности. Большая часть запахов держится довольно долго в неизменном виде, в то время как подмигивание вполне можно не заметить, напряжение мышц – истолковать слишком уж многозначно, а голос может пугать или восприниматься как угроза. Запах охотника предупреждает промыслового зверя или птицу об опасности, а их запах, в свою очередь, приманивает охотника. Естественно, некоторые животные научились использовать запах как средство защиты. Преследуемый скунс поднимает заднюю часть туловища и обдает нападающего немислимо вонючей жидкостью. Запахи служат насекомым для самых разнообразных коммуникаций: они передают инструкции по гнездованию или указания, где откладывать яйца; призывают к общему сбору или «рисуют» план жилища; запахи заменяют им фанфары, приветствующие короля, или сигнал, извещающий об опасности. В дождевых лесах можно увидеть непрерывные, длинные, как веревки, процессии муравьев, которые тянутся вдоль тропы по пахучему следу, оставленному разведчиками. Со стороны кажется, что они бестолково мечутся в азарте строительства, на самом же деле они пребывают в непрерывном контакте друг с другом и постоянно обсуждают что-то жизненно важное. Самцы бабочек из семейства Данаиды порхают с цветка на цветок и собирают в карманы на задних лапках коктейль из запахов, пока не получится идеальный аромат, привлекающий самку²⁰. Детеныши кенгуру, собак и многих других млекопитающих часто рождаются слепыми, им приходится по запаху искать путь к соскам. Мать – самка морского котика, возвращаясь на берег с охоты за рыбой, проползает мимо чужих детей и безошибочно находит своего. Мать – летучая мышь, возвращаясь в гнездовую пещеру, где висят, цепляясь за стены, или вьются в воздухе миллионы таких же матерей и детенышей, добирается до своих малышей, окликая их и находя путь по запаху. На скотоводческом

ранчо в Нью-Мексико я не раз видела, как теленок, обвязанный шкурой другого теленка, счастливо пасется возле коровы: животновод снимает шкуры с мертворожденных телят, заворачивает в них осиротевших, и корова, потерявшая своего детеныша, узнает запах его шкуры, у нее включается материнский инстинкт, и она кормит приемыша.

Без феромонов животные не могли бы долго жить и продолжать свой род, потому что им нечем было бы метить территорию и привлекать плодовых самок. Но есть ли феромоны у людей? И можно ли разлить их по бутылочкам? На Манхэттене есть модницы, пользующиеся духами Pheromone по триста долларов за унцию (около 30 мл). Может быть, это и дорого, но разве сексуальная привлекательность того не стоит? Реклама косвенным образом уверяет, что эти духи, созданные на основе исследований сексуальных аттрактантов, выделяемых животными, придадут женщинам провокационности и соблазнительности и превратят доблестных мужчин в рабов страсти, живых зомби. Однако странно то, что изготовители этих духов не указывают, чьи феромоны в них содержатся. Человеческих феромонов исследователи пока не обнаружили, а вот, скажем, свиные – нашли. Картина целого поколения молодых женщин, которые гуляют по улицам, умастившись свиными феромонами, представляется странной даже для Манхэттена. Предлагаю хулиганский рецепт: выпустите на Парк-авеню стадо свиноматок. Позвольте им смешаться с толпой женщин, использующих одеколон Pheromone. И вызывайте службу спасения.

Пусть человеческие феромоны еще не обнаружены, но мы можем хотя бы использовать выделяемые секреты так же, как это делают животные. Надо попробовать собирать наши собственные испарения в разное время месяца и фасовать по флаконам. Правда, физиолог Эвери Гилберт считает, что это

имело бы в основном психологический эффект. Он сообщил журналу *Gentleman's Quarterly*, что «если наполнить сосуд жидкостями, которые выделяют женские половые железы во время копуляции, и поднести его гею, тот, даже если распознает запах, будет обескуражен, поскольку запах окажется вне его контекста. В этом-то и разница. Мужчины, которые покупают духи, поддаваясь на заверения рекламы, что этот компонент “заведет” женщину, наивны. Сомневаюсь, что такую реакцию может вызвать какое-нибудь химическое вещество. Но, судя по всему, не имеет значения, какой именно аромат распространяет мужчина; это может лишь служить сигналом его решительности, уверенности в себе. Хотя бы в этой рекламе можно верить. И пожалуй, именно поэтому люди и пользуются парфюмерией».

Один из коллег Гилберта, Джордж Прити, поставил эксперимент, в котором десять участниц через регулярные промежутки времени вдыхали запах пота других женщин. Через три месяца сроки менструаций у испытуемых стали совпадать со сроками у тех, чей пот использовался в эксперименте. В контрольной группе, где нюхали не пот, а алкоголь, менструальный цикл не изменился. Очевидно, что феромоны, которые переносит пот, способствуют синхронизации циклов. Поэтому у соседок по спальням или близких подруг кровотечения часто совпадают; этот феномен известен как эффект Макклинток (по имени заметившей его физиолога Марты Макклинток). Похоже, что существуют и другие эффекты. Если мужчина какое-то время связан с женщиной, волосы на его лице начинают расти быстрее, чем до того. Девочки, живущие в изоляции от мужчин (например, в закрытых школах-интернатах), достигают половой зрелости позже, чем их ровесницы, постоянно общающиеся с представителями другого пола. Матери и новорожденные младенцы распознают друг друга по запаху,

поэтому некоторые врачи дают детям вдыхать материнский запах при введении наркоза перед операцией. Младенцы могут узнавать вошедшую в комнату мать по запаху, даже не видя ее. В сказке «Питер Пэн» Дж. М. Барри дети способны даже «чуять опасность» во сне. Матери школьников могут по запаху различать футболки, которые носят их дети. Отцам такие способности не присущи, но мужчины могут определять пол того, кто носил футболку. Феромоны действуют на людей. Но насколько сильно? Запускают ли феромоны у нас такую же сильную реакцию, как у кротов или бобров, или же играют столь же скромную роль в потоке сенсорных ощущений, как и обычные зрительные или слуховые данные? Если я вижу представительного мужчину с красивыми голубыми глазами, происходит ли у меня лишь «визуализация», как пренебрежительно выразился один из исследователей, или же голубые глаза восхищают меня потому, что считаются привлекательными в культуре, эпохе и контексте моей жизни? Голубые глаза, эта «младенческая голубизна», приводят на память новорожденных европеоидного типа и вызывают покровительственное чувство. Но в каких-нибудь африканских культурах голубые глаза сочтут холодными, непривлекательными и даже отвратительными.

Научная фантастика частенько пугает нас образами людей-автоматов, движимых неведомыми силами, с мыслями наподобие телефонного гудка. Могут ли феромоны незаметно подрывать наши способности к здравому мышлению и выбору? Мысль пугающая. Мы не любим терять контроль над собой, разве что намеренно – во время секса, или участия в религиозных обрядах, или употребления опьяняющих веществ, – и то лишь потому, что уверены: такая потеря управления лишь частичная или, по крайней мере, ситуацию в любой момент можно взять под контроль. Эволюция – штука сложная, подчас занимательная и

настолько авантюрная, что некоторые из ее фиоритур и сольных партий вселяют в меня страх. К числу таких пугающих изысков относится, например, наша очевидная склонность к насилию в сочетании со способностью вести между собою сложные, многоплановые, но очень изощренные разговоры с помощью феромонов. Свободная воля может быть не совсем свободной, но она определенно сознательная, и все же кажется, что в ней есть некоторые натяжки. Люди – виртуозы рекламы и умеют переворачивать вверх дном почти любую тему. Если мы в чем-то действительно мастера, так это в раздвигании границ, изобретении стратегий, поисках путей для того, чтобы обойти неприкрашенную правду; в умении схватить жизнь за грудки и хорошенько потрясти. Она непременно ответит тем же, но ведь это никогда нас не останавливает.

НОСЫ

Когда мы выползли или выплеснулись из океана на сушу, под деревья, чувство обоняния несколько утратило свою первостепенную важность. Позднее мы встали на задние конечности, начали осматриваться по сторонам, карабкаться на деревья, и какой же мир раскрылся тогда перед нами, словно бескрайнее поле техасских люпинов! Во все стороны – обзор на несколько километров. Видны враги, видна пища, видна пара, видны следы. Возможность разглядеть издалека тень льва, крадущегося сквозь траву, приносила куда больше пользы, чем обоняние. Зрение и слух сделались гораздо важнее. Чутье у обезьян не сравнится с собачьим. У большинства птиц носы устроены довольно примитивно, хотя есть и исключения: стервятники из Нового Света находят падаль по запаху, и морские птицы нередко руководствуются обонянием. А вот животные с развитым обонянием ходят на четвереньках, держа голову невысоко над землей, в зоне, где собираются влажные тяжелые ароматные молекулы – носители запахов. Это относится и к

змеям, и к насекомым, а также к слонам (низко опускающим хоботы) и большинству четвероногих. Свиньи чувствуют трюфели, скрытые в 15 сантиметрах под землей. Белки находят места, где когда-то спрятали орехи. Бладхаунд улавливает запах человека в комнате, которую тот покинул несколько часов назад, потом отслеживает на земле несколько молекул, оставленных подошвами преследуемого, и неотступно гонится за ним по любой местности и в любую погоду. Рыбе тоже необходимо обоняние: лосось с большого расстояния чувствует воду, в которой родился и куда должен плыть на нерест. Самец бабочки по запаху находит самку за несколько километров. К сожалению, у нас, долгоязыких прямоходящих, обоняние со временем заметно ослабло. У человека пять миллионов обонятельных клеток – вроде бы много. Но у овчарки 220 миллионов таких клеток, и она чувствует в 44 раза лучше нас. Что же она чувствует? Чего мы лишены? Попробуйте представить себе стереофонический мир ароматов, сквозь который мы должны проходить, как лунатики без наушников. И все же (с учетом того, насколько мал орган обоняния у человека) наше чувство обоняния следует считать изумительно детальным. Поскольку человеческий нос – выступающая часть лица, запахам приходится проходить внутри его определенное расстояние, прежде чем мы понимаем, что именно он уловил. Потому-то мы морщимся и втягиваем воздух – чтобы приблизить молекулы запаха к обонятельным рецепторам, столь неловко убранным в дальние закоулки носа.

ЧИХАНИЕ

Мало найдется столь же острых удовольствий, как простонародная радость чихания. Все тело сотрясается в оргастических конвульсиях. Но только люди чихают с открытым ртом. Собаки, кошки, лошади и большинство других животных чихают через нос, слегка задерживая воздух в районе шеи. А вот человек ахает, содрогается всем

телом в предвкушении, набирает полную грудь воздуха, напрягает ребра и мышцы живота, как мехи, и с силой пускает воздух в нос, где ходы оказываются слишком узкими; воздух проникает во все доступные полости и иногда беспорядочно вырывается сразу из носа и рта. Если во время чихания легкие плавно выпускают воздух, это еще ничего. Но ученые Рочестерского университета выяснили, что при чихании воздух разгоняется до 85 % скорости звука; этого хватает для того, чтобы распространять бактерии и внутренние выделения на окружающих. В человеческом носу, в самой глубине носовых ходов, есть один, очень тонкий и повернутый в обратную сторону; он затрудняет как весь процесс дыхания, так и вдыхание молекул запаха. Так что при чихании у воздуха нет прямого пути через нос. Приходится открывать рот. Если чихать с закрытым ртом, воздух в поисках выхода хлынет во все полости и проходы черепа и может повредить уши. Неудачное устройство носа пытаются объяснить разными теориями; согласно последним версиям, виной тому эволюция, создавшая огромный мозг, недостаток места в черепе и необходимость в стереоскопическом зрении. Рой Бедичек предположил, что такая анатомия сложилась лишь в результате того, что мы «собрались толпами в переполненные места, которые принято называть селениями. Здесь-то нос внезапно начал исполнять необычные функции защиты дыхательных путей от крупной и мелкой пыли, страдая в то же время от невыносимой вони коллективных испарений, а потом и от дыма огромной химической лаборатории, которую представляет собой современный город». Живший в XVII веке поэт Абрахам Каули описал эту обстановку с помощью риторических вопросов:

Кто в здравом уме и имея нос,
Гулять отправится не меж жасминов и роз,
Но предпочтет сие место иным,

Где дышать не дают вонь и дым?

Чтобы чихнуть, достаточно щекотки в носу. Или солнечного света. У некоторых, как у меня, есть странная генетическая предрасположенность к чиханию от яркого света. У этого свойства есть название: аутосомно-доминантный произвольный гелио-глазной синдром взрыва²¹, или проще – световой чихательный рефлекс. Если я ощущаю хотя бы легкое желание чихнуть, мне достаточно взглянуть на солнце, чтобы вызвать взрыв, этакий мини-апокалипсис.

ЗАПАХ КАК МАСКИРОВКА

Уже апрель, но в Итаке снег может лежать еще не одну неделю; по крайней мере, так мне сообщили соседи, – я-то привыкла к морскому климату Манхэттена. Также я узнала, что прямо к моей двери и панорамному окну тянется цепочка маленьких следов чернохвостого оленя, а оттуда он метнулся через замерзший пруд, взметая крошки наледи, потом, петляя между сугробами, выбежал к двум яблоням и вмерзшим в лед плодам. Значит, они научились ходить по льду, разыскивать ароматные сокровища в потаенных местах и даже выбирать наилучшие для сезона пути, позволяющие обойти лед и не попасть под пулю. Не меня ли высматривали олени там, где я часто останавливалась, и видели в стекле свое отражение? Что, если позже, весной, тающий лед вдруг проломится под копытами, потом сомкнется над головой зверя, и я не услышу заглушенных водой криков? В погоне за городской суетой я забыла, как пробираются во двор олени, наделенные большими сердцами и чутким сном. Меня здесь не было, и я не могла посмотреть на их спокойные миндалевидные глаза и прислушаться к поэзии отрывистого стука их копыт.

Я часто вижу, как они бродят по двору, но, когда я выбираюсь наружу, чтобы посмотреть на них вблизи, они

заранее улавливают мой сильный человеческий запах, отступают к забору и прыжками удаляются в свое зеленое королевство. Этим летом я намерена замаскироваться под хвойное деревце или гриб. В последнем номере Field and Stream мне рассказали, как это сделать: чтобы обмануть обоняние оленя или кролика, нужно взять древесину, небогатую танином (например, желтую березу, сосну, грибы, гемлок, гаультерию или что-нибудь ароматное из хвойных) и сушить неделю-другую. Расколоть на щепки и сложить до половины в сосуд. Залить водкой крепостью 57,15 %. Процедить через фильтр Melitta. Налить в пульверизатор. Обильно полить себя, чтобы заглушить человеческий запах. И представить себя грибом.

РОЗЫ

Среди двадцати пяти розовых кустов, посаженных вокруг моего дома, тянется ввысь лавандовая роза сорта Angel Face²². Первые несколько лет олени, частенько навеещающие мой двор, поедали на закате все бутоны и свежепробившиеся ростки. Однажды они объели кусты до самой земли, оставив лишь крохотные стебельки, похожие на прорастающие бархатные рожки. Я привыкла к разорителям сада: посадив виноград, я в первое лето наблюдала, как на двух лозах цветы превратились в сочные, источающие аромат и чуть не лопающиеся от спелости пурпурные ягоды. Каждый день я смотрела на них и ждала, когда же они созреют окончательно, представляя, как буду катать на языке и медленно вкушать свежие сладкие ягоды. В один прекрасный день я увидела, что пурпурный цвет гроздьев меняется на броские, резкие радужные переливы, и поняла, что уже на следующее утро можно будет их срезать. Но догадалась об этом не только я. Проснувшись, я обнаружила, что все ягодки, до одной, высосаны досуха, и шкурки валяются на земле, как крохотные пурпурные кусочки

обрезанной крайней плоти. Это представление в исполнении енотов происходило каждую осень, невзирая на клетки, коровьи колокольчики, колючую проволоку и другие «укрепления», и, признаюсь, я сдалась и уступила виноград енотам. Проблема с розами была посложнее.

Оленей я люблю не меньше, чем розы, и поэтому решила использовать вместо оружия запах – ведь растения поступают точно так же – и посыпала землю вокруг кустов смесью нафталина с табаком. Это помогло, но воздух обрел неприятный едкий запах. Понравиться он мог лишь тем, кто любит запах бейсболистов в зимнем лагере, непрерывно жующих какую-то жвачку и набивающих карманы шариками от моли. В этом году у меня другой план: лаванда. Олени терпеть не могут ее сильный, щекочущий ноздри запах; я заказала несколько дюжин ростков, чтобы посадить их вокруг роз и лилейника, надеясь, что, когда олени явятся, ароматическая ограда остановит их. Можно сказать, мы разделили зоны влияния. Я оставила им роскошную малину, которую больше не пытаюсь собирать, и две рядом стоящие яблони. Енотам достался виноградник, а кроликам – лесная земляника. Но розы с их божественными ароматами – это святая святых. Самые дорогие духи в мире, нестареющая классика Joy, состоят из двух цветочных нот – жасмина и значительной доли розы.

Розы соблазняют, успокаивают и опьяняют людей сильнее, чем любой другой цветок. Они с античных времен пленяют домовладельцев, влюбленных, поклонников цветов и сенсуистов. В Дамаске и Персии существовал обычай зарывать в саду кувшины с нераскрывшимися розовыми бутонами и откапывать их по особым случаям, если предстоял пир: бутоны должны были эффектно распускаться прямо на тарелках. В фильме Жана Кокто по сказке «Красавица и чудовище» неприятности и магия начинаются с того, что человек срывает для своей дочери розу –

единственное, что та предпочла всем сокровищам. В Европе издавна выращивали разные виды роз, которые не могли похвастаться сортом, но были яркими и заметными, очень жизнеспособными и с сильным ароматом, который может пропитать собой даже статую. Но в XIX столетии туда начали ввозить элегантные китайские чайные розы, которые пахли свежими размятыми листьями чая, а также неморозостойкие ремонтантные (постоянно цветущие китайские) гибриды с цветами от ярко-желтого до красного. Скрещивая китайские гибриды с европейскими розами (с той же тщательностью, как скрещивают скаковых лошадей), удалось вывести нежные и прихотливые сорта-потомки с цветами, поражающими чуть ли не бесконечным множеством оттенков, форм и запахов. Их назвали чайно-гибридными розами. С тех пор вывели более 20 тысяч сортов, причем розы чуть было не утратили (из-за чрезмерной гибридизации) собственно розовый аромат. Запах у роз, видимо, является рецессивным свойством, и у потомка двух родительских сортов с сильным ароматом может быть идеальный по форме, но слабо пахнущий цветок. В наше время, благодарение небесам, вновь стремятся создавать ароматные розы. Самый популярный чайно-гибридный сорт Реасе²³ поражает разнообразием пастельных тонов с закатными оттенками; в полдень они становятся кричаще-яркими, постепенно блекнут к закату, и на всем протяжении дня позволяют любоваться фантомами других оттенков. Его яйцевидные бутоны открываются большими бледно-желтыми венчиками с полупрозрачными концами лепестков, которые часто бывают розоватыми. И пахнут они, как кожа-лайка в меду. Все мои розы Реасе, кажется, имеют почти человеческий облик и человеческие настроения, зависящие каждый день от влажности и освещения. Эта роза экспериментальная, название она получила 2 мая 1945 года (день падения Берлина) в

Пасадинском Тихоокеанском обществе розоводства, потому что «именем этой прекраснейшей новой розы нашего времени должно стать то, чего сильнее всего жаждет человечество, – мир». Многие розы названы в честь президентов (роза Mister Lincoln – ярко-красная, J.F. Kennedy – чисто белая), а есть и сорта, прославляющие кинозвезд или других знаменитостей (Dolly Parton отличается громадными цветками и сильным пикантным запахом). Хотя розы и символизируют красоту и любовь, их цвета, фактуру, формы и запахи чрезвычайно трудно описать. У Sutter's Gold, одного из моих любимых чайно-гибридных сортов, крупные плиссированные цветки с лепестками абрикосовых, фуксиновых и розовых тонов, с ароматом, похожим на сладкие мокрые перья. Флорибунды – новейший вид роз – усыпаны цветами все лето. The Fairy почти не пахнет, но ее куст от весны до зимы почти полностью покрыт изящными розовыми цветами, выдерживающими даже первые снегопады. Уже в 270 году до н. э., когда древнегреческий ботаник Теофраст писал о розе с сотней лепестков, эти цветы считались древними. Возраст ископаемых окаменевших диких роз составляет сорок миллионов лет. В Древнем Египте росли славившиеся махровыми цветками розы, которые мы сейчас называем центифолиями, или столлистыми. В спальне, где Клеопатра принимала Марка Антония, пол был усыпан полуметровым слоем розовых лепестков. Интересно, они предавались любовным утехам на полу, вернее на ковре из мягких, упругих, ароматных лепестков? Или на ложе, которое словно плот плыло по благоуханному океану?

Клеопатра знала вкусы своего гостя. Мало какой народ любил розы так, как древние римляне. Розы разбрасывали на публичных церемониях и пирах; розовая вода лилась из императорских фонтанов и подавалась в общественные бани; в амфитеатрах зрители сидели под пропитанными розовыми

духами навесами от солнца; розовыми лепестками набивали подушки; венками из роз украшали головы; из роз готовили запеканки; розы входили в состав лекарств, любовных притираний и афродизиаков. Ни одна вакханалия – популярный оргиастический праздник – не обходилась без фантастического количества роз. Для выражения всенародной любви к этим цветам существовал даже особый праздник – розалии. Нерон на одном из пиров приказал обрызгивать гостей между переменами блюд ароматными водами из серебряных труб. Гости могли также восхищаться потолком, роспись которого идеально воспроизводила звездное небо; он раскрывался, и оттуда сыпались цветы и лились духи. Для другого пира Нерон потратил сумму, эквивалентную 160 тысячам долларов, на одни лишь розы, и один из гостей насмерть задохнулся от их аромата.

В исламских культурах розу считали духовным символом; согласно утверждению жившего в XIII веке мистика Юнуса Эмре, нюхая розу, следовало шептать: «Аллах! Аллах!» Мухаммед, большой любитель благовоний, однажды сказал, что экстракт фиалок так же превосходит все остальные цветы, как он сам – всех остальных людей. Тем не менее известь для его храмов замешивали именно на розовой воде. Розы как нельзя лучше настаиваются на воде, что позволяет делать шербеты и пастилу, так что этот цветок используется в исламской кухне так же широко, как и в быту – для ароматизации одежды. Законы гостеприимства до сих пор требуют, чтобы, когда в дом приверженца ислама приходят гости, их сразу же обрызгивали розовой водой.

Католики до наших дней называют свои четки розариями; первоначально они состояли из 165 аккуратно свернутых и высушенных розовых лепестков (иногда их для сохранности мазали ламповой сажой), а роза была символом Девы Марии. Крестоносцы возвращались в Европу, пресытившись чувственными впечатлениями от

экзотических излишеств, обнаруженных у неверных, и привозили с собой розовое масло, сандаловое дерево, ароматические шарики и другие специи и благовония, а также воспоминания о чувственных и расслабленных женщинах, дожидавшихся в гаремах мужских ласк. Ароматические масла, которые привозили с собой рыцари, сразу же вошли в моду, равно как и все прочие греховные прелести Востока, столь же дурманящие разум, как и розы, и становившиеся тем вожденнее, чем больше их запрещали.

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Запахи пробуждают не только воспоминания, но также и наши дремлющие чувства; они балуют и радуют нас, помогают определиться с нашими представлениями о самих себе, будоражат чувственность, предупреждают об опасности, вводят в искушение, раздувают религиозный пыл, возносят до небес, приобщают к моде, погружают в роскошь. И все же обоняние со временем сделалось наименее полезным из наших чувств – Хелен Келлер выразительно назвала его «падшим ангелом». Некоторые ученые считают, что мы все еще получаем через обоняние значительную часть той же информации, что и низшие животные. В помещении, полном деловых людей обоих полов, с помощью обоняния можно узнать, кто влиятельнее, кто самоувереннее, кто сексуально отзывчив, кто конфликтен. Трудность же заключается в том, что мы лишены физиологического пускового механизма: даже уловив запах, мы не выдаем автоматической реакции определенного рода, как это сделало бы большинство животных.

Однажды утром я отправилась поездом в Филадельфию, чтобы посетить Монелловский центр хемосенсорики, расположенный рядом с кампусом Университета Дрексела. Здание этого центра, похожее на вертикально поставленный квартал, приютило сотни ученых, исследующих химию, психологию, загадочные свойства обоняния и перспективы

его использования в медицинских целях. Многие из завоевавших внимание СМИ исследований в области феромонов проходят именно в Монелловском центре или других похожих институтах. Для одного из экспериментов наняли множество домохозяек, чтобы те нюхали подмышки незнакомых им людей; в другом эксперименте, который финансировали изготовители женского гигиенического спрея, картина была еще необычнее. Тематика исследований широка: как мы распознаем запахи; что происходит с человеком, утратившим обоняние; как меняется обоняние по мере взросления и старения; оригинальные методы борьбы с насекомыми-вредителями с помощью запахов; использование телесных запахов при диагностике заболеваний (например, пот у шизофреника пахнет не так, как у здорового человека); влияние телесных запахов на наше общественное и сексуальное поведение и т. д. В одном из самых замечательных экспериментов нашего времени монелловские ученые установили, что мыши способны выявлять генетические различия между потенциальными половыми партнерами, руководствуясь исключительно запахом: они «считывают» подробную информацию об иммунной системе других животных. Тому, кто желает произвести на свет наиболее жизнеспособное потомство, лучше всего сочетаться с особью, обладающей такими преимуществами, которыми не обладает он сам. Особая роль здесь отводится формированию иммунной системы. Природа развивается благодаря метисам. Девиз жизни: «Смешивайтесь тщательнее». Монелловские ученые вывели особых мышей, каждая особь которых отличалась от другой лишь одним геном, и изучали их брачные предпочтения. Все выбирали себе брачных партнеров, иммунная система которых, в сочетании с их собственной, позволит породить наиболее здоровое потомство. Примечательно, что свой выбор они основывали не на восприятии своего

собственного запаха, а на воспоминании о запахах родителей. Никто из них, естественно, не рассуждал на эту тему: мыши спаривались, подчиняясь влечению и даже не зная об интригах подсознания.

Возможно ли, чтобы люди поступали так же, сами не осознавая того? Нам не требуется запах для разграничивания территорий, установления иерархии, узнавания лиц или определения готовности женщины к соитию. И все же одного взгляда на исступленное использование нами парфюмерии и ее психологическое воздействие на нас достаточно, чтобы понять: обоняние – это старый боевой конь эволюции, которого мы холим, лелеем и никак не решаемся отпустить на вольный выпас. Мы нисколько не заинтересованы в его жизни, но все же обихаживаем его, против всех резонов, – возможно, из ностальгии по тем временам, когда мы были первозданными животными, неразрывно связанными с Природой. Эволюция притупила у нас чувство обоняния, химики же пытаются восстановить его роль. Не сказать чтобы это происходило неосознанно: мы пропитаны запахами, мы купаемся в них. Мы ароматизируем не только тела и жилища, но и почти все предметы, связанные с нашей жизнью, – от салонов автомобилей до туалетной бумаги. Продавцы подержанных авто пользуются аэрозолем «Новая машина» – и в результате покупатель не ощущает, что сидит в проржавевшей насквозь жестянке. Риелторы, перед тем как показывать жилье клиентам, частенько распыляют на кухне аэрозоль, имитирующий запах свежей выпечки. В установки кондиционирования воздуха в торговых центрах пускают «запах пиццы», чтобы у покупателей возникло желание посетить ресторан. Одежда, шины, игрушки, фломастеры – все насыщено запахами. Можно даже купить ароматический диск, который играет как звукозапись, но воспроизводит запах. Экспериментально не раз доказано, что, если предложить человеку два флакона

одинаковой политуры для мебели, ароматизировав содержащее лишь одного из них, он будет уверять, что тот, который приятно пахнет, лучше действует. Запах значительно влияет как на оценку тех или иных вещей, так и на отношение к людям. Даже товары без запаха в действительности слегка ароматизированы, чтобы замаскировать химический запах ингредиентов; обычно для этого используется небольшое количество мускуса. Парфюмерная промышленность получает от товаров для тела и одежды лишь 20 % своих доходов, остальные 80 % приносят средства для ароматизации бытовой химии.

У разных наций свои предпочтения в ароматах. Немцы предпочитают сосну, французы – цветочные ароматы, североамериканцы любят сильный запах, а южноамериканцы – еще более сильный. В Венесуэле средство для мытья полов содержит в десять раз больше сосновой отдушки, чем в США. Но почти все нации сходятся в желании придавать полам и стенам приятные ароматы (прежде всего соснового леса или лимонного сада), чтобы жить среди запахов.

Магазинчик на Третьей авеню близ Грамерси-парка, как и многие подобные заведения Нью-Йорка, торгует разнообразными товарами для услады чувств. Там предлагают, в частности, изделия из портмерионского фарфора, украшенного яркими ботаническими рисунками с точно прописанными деталями. Канцелярские принадлежности и упаковочная бумага в этом заведении – ручной работы, с хорошо заметными древесными волокнами и изъемами. Часть ее – подчеркнута грубоватая, с беспорядочно разбросанными цветовыми пятнами. Нос указывает дорогу в отдел парфюмерии. Мелкие гранулы с маслом для ванн содержат ароматы под названиями «Весенний дождь» и «Нантакет». Как пахнет весенний дождь? Это популярный запах. Но сможет ли даже самый гениальный сенсуалист определить разницу между весенним

или, скажем, осенним дождем?

Обращаясь прежде всего к воображению, это название рисует в сознании образ весеннего дождя, потом вы вдыхаете сладкий минеральный аромат и думаете, допустим, о красноголовых лишайниках под названием «британские солдаты», которые вы обнаружили в Беркшире, когда вам было десять лет. Или вспоминаете запах дождя, падавшего на оливково-бурую палатку – он стучал по брезенту, как будто барабанила тысяча пальцев. Грамерси-парк представляется лишь мелким всплеском волны времени из тех дальних лет. Одна полка в магазине предназначена исключительно для ароматизаторов помещений. «Используйте этот ароматизатор вместе с нашим алюминиевым кольцом для осветительной лампы накаливания», – объясняет одна из упаковок. Parfum de l’Ambiance... Вы идете из комнаты в комнату сквозь массы наполненного ароматом воздуха, ощущая ноздрями только благовония, «купаясь в фимиаме» и будоража благоухание танцем.

Мы, кажется, неспособны жить в природе без того, чтобы заимствовать ее запахи и носить их с собой как талисманы, «присваивая» себе свирепость, магнетизм или энергию, которые свойственны их естественным обладателям. С одной стороны, мы живем в чистоте и порядке квартир, и, если природа нетактично позволяет себе войти туда без спроса – в виде мышей, мух или термитов, ползущих вдоль плинтусов, или белки в подвале, или летучей мыши на чердаке, – мы с кровожадностью охотника гоним ее прочь. С другой стороны, мы стремимся ввести природу с собой в дом. Мы прикасаемся к стене – и комнату заливают дневной свет, поворачиваем выключатель – и начинается лето, мы окружаем себя множеством совершенно ненужных запахов из внешнего мира – сосна, лимон, цветы. Может быть, обоняние и не требуется нам для выживания, но без него мы

чувствуем себя потерянными.

АНОСМИЯ

Как-то раз, дождливой ночью 1976 года, тридцатитрехлетний математик вышел погулять после обеда. Все сходились на том, что этот человек не просто гурман, но большой талант, потому что он обладал способностью безошибочно назвать все ингредиенты блюда, только попробовав его. (Один писатель отозвался об этом умении как о «безукоризненной подаче», используя бейсбольный термин.) Едва математик ступил на проезжую часть, как его сбил микроавтобус; он упал и ударился головой об асфальт. Покинув на следующий день больницу, он с ужасом обнаружил, что утратил чувство обоняния.

Вкусовые сосочки у него исправно работали, он мог различать соленое, горькое, кислое и сладкое, но головокружительной сочности бытия он лишился. Через семь лет, так и не обретя вновь обоняния, глубоко подавленный из-за этого, он подал на водителя в суд и выиграл дело. Суд согласился с тем, что, во-первых, его жизнь была непоправимо испорчена и, во-вторых, без обоняния его жизнь подвергается значительно большему риску. Он не смог уловить запаха дыма, когда в многоквартирном доме, где он жил, случился пожар; он отравился пищей, не узнав по запаху, что она протухла; он не мог учуять утечки газа. Что хуже всего – утратив способность воспринимать запахи и ароматы, он лишился и разнообразных – и одухотворяющих, и щемящих – воспоминаний и ассоциаций. «Я чувствую себя опустошенным, словно в аду каком-то», – признался он репортеру. Для его кошмара даже не было общепринятого названия. Лишенных слуха называют глухими, лишенных зрения – слепыми, но каким словом назвать лишенного обоняния? Что может быть убийственнее, нежели оказаться пораженным тяжким недугом, который даже не имеет

названия? Ученые называют отсутствие обоняния anosмией – от древнегреческого οσμή (запах) с отрицательной приставкой *ан-*. Но разговорной формы – например, какой-нибудь «нечуй», – которая давала бы ощущение принадлежности к некой группе или близости к норме, не существует.

Джудит Р. Бирнберг в заметке «Моя очередь» (My Turn; Newsweek, 21 марта 1988 года) трогательно сетует по поводу внезапной утраты обоняния. Она способна различать лишь консистенцию и температуру пищи. «Я неполноценна – одна из двух миллионов американцев, страдающих отсутствием чувств обоняния и вкуса (они физиологически родственны) ... Густой аромат кофе и сладкое благоухание апельсинов – мы считаем это само собой разумеющимся и, потеряв эти чувства, ощущаем себя так, будто разучились дышать».

Перед тем как утратить обоняние, Бирнберг целый год чихала. Причина – аллергия неизвестного происхождения. «Аносмия наступила без предупреждения. <...> В последние три года у меня иногда случаются краткие периоды – минуты и даже часы, – когда я внезапно начинаю воспринимать запахи и знаю, что могу чувствовать и вкус. Что же съесть в первую очередь? Однажды я разрыдалась, откусив кусочек банана. Несколько раз ремиссия случалась в обеденное время, и мы с мужем мчались в любимый ресторан. Два или три раза мне посчастливилось наслаждаться вкусом и чудесным ароматом на всем протяжении обеда. Но чаще всего ощущение вкуса пропадало, пока мы парковали машину».

Существуют центры лечения расстройств обоняния и вкуса (из которых самый известный – Монелловский), но anosмия пока непобедима. «Мне делали томографию, брали анализы крови, сеяли носоглоточные бактериальные культуры, проводили длительную цинкотерапию, еженедельные орошения носоглотки, делали биопсии,

кортизоновые инъекции в нос; я перенесла четыре различные операции на носоглотке. Мой случай рассматривали медицинские комитеты больниц. <...> Я прошла через жернова медицины. Решение: anosmia вызвана аллергией и инфекцией. Бывают и другие случаи. Некоторые даже рождаются без этих чувств, или обонятельный нерв оказывается поврежден травмой. Anosmia также может быть результатом возрастных изменений, опухолей мозга или воздействия ядовитых химикатов. Независимо от причины, нам очень трудно обнаруживать дым, не видя огня, и утечки газа, определять доброкачественность продуктов».

В конце концов Джудит решила на рискованный шаг и позволила врачу применить преднизон, противовоспалительный стероид, который, как ожидалось, снял бы отечность вокруг обонятельного нерва. «На второй день я на мгновение ощутила запах, когда глубоко вдохнула. <...> На четвертый день ела салат за завтраком и внезапно поняла, что чувствую вкус всех его компонентов. Это походило на тот момент из фильма “Волшебник страны Оз”, когда мир из черно-белого делается многоцветным. Я смаковала салат: стручок нута, мелко порезанная капуста и семечки подсолнуха. На пятый день я расплакалась – не столько из-за возможности вновь обонять и ощущать вкус, сколько оттого, что это безумие закончилось».

На следующий день, за завтраком, она уловила запах мужа, и «кинулась ему на грудь в слезах радости, и принялась обнюхивать его, не в силах остановиться. Милый, знакомый запах, которого я лишилась так давно, а теперь вновь ощутила. Я всегда считала, что если придется выбирать, то из двух утрат лучше вернуть вкус, но вдруг поняла, как много потеряла. Мы принимаем как само собой разумеющееся и не обращаем внимания на то, что все имеет запах: люди, воздух, мой дом, моя кожа. <...> Теперь же я вдыхала все запахи – приятные и дурные, – прямо-таки

упиваясь ими».

К сожалению, это счастье продолжалось лишь несколько месяцев. Преднизон дает множество неприятных побочных эффектов, среди которых ожирение и расстройство иммунной системы. Когда его дозу стали уменьшать, обоняние снова пошло на убыль. Последовали еще две операции. Джудит решила возобновить употребление преднизона, и ждет не дождется прекрасного дня, когда обоняние вернется столь же непостижимым образом, как и исчезло.

Не каждый из утративших обоняние переносит это столь же болезненно. И расстройства обоняния не всегда сводятся к его потере. Ученым из Монелловского центра доводилось лечить множество пациентов, страдавших от «навязчивых запахов», ощущавших неприятные запахи повсюду, куда бы ни попадали. Некоторые постоянно чувствуют на языке горький привкус. У других искажено восприятие запахов. Поднеси такому человеку розу – и он почувствует вонь помойки. Дай ему бифштекс – для него запахнет серой. Обоняние у нас слабеет к старости, а в зрелом возрасте находится на пике. Страдающие болезнью Альцгеймера часто утрачивают обоняние вместе с памятью (они крепко связаны между собой); когда-нибудь для диагностики этого расстройства будет применяться тест «потри и понюхай».

Исследования Роберта Хенкина из Центра сенсорных расстройств Джорджтаунского университета показали, что около четверти людей с расстройством обоняния обнаружили у себя одновременно и снижение полового влечения. Какую роль обоняние играет в любовных играх? Для женщин – большую. Я уверена, что смогу с завязанными глазами распознать по запаху каждого мужчину, с которым была в близких отношениях. Однажды я начала встречаться с умным, обаятельным и внешне привлекательным человеком, но, когда дело дошло до поцелуев, меня оттолкнул

кукурузный запах его щек. Это был не одеколон и не мыло – просто его натуральный несильный запах, и я была потрясена, обнаружив, что он физиологически раздражает меня. Мужчины редко рассказывают в подробностях о своих реакциях на естественный запах своих партнерш, а вот женщины делают это настолько часто, что появилось романтическое клише: когда любовник в отъезде или муж умирает, страдающая женщина идет к его шкафу, вынимает оттуда халат или сорочку, прижимает ее к лицу и проникается всеобъемлющей нежностью к отсутствующему. О том, делают ли так мужчины, почти не приходилось слышать, но не будет ничего удивительного, если окажется, что женщины более эмоционально восприимчивы к запахам. В каждой возрастной группе у женщин отмечалась бóльшая чувствительность к запахам, чем у мужчин. Некоторое время ученые приписывали это свойство эстрогену, поскольку считалось, что беременные очень хорошо воспринимают запахи, пока не выяснилось, что у девочек предпубертатного возраста обоняние лучше, чем у их ровесников-мальчиков, а беременные женщины обоняют несколько не лучше всех остальных. Просто у женщин как таковых обоняние сильнее развито. Возможно, это рудиментарная награда, полученная нами на заре эволюции, когда это чувство требовалось нам в ходе ухаживания, спаривания и материнства. А может быть, дело в том, что женщины традиционно больше времени уделяли пище и детям, по запаху определяя, все ли в порядке. Поскольку женским особям часто доставалась обязанность принимать решение о спаривании, запахи были для них оружием, приманкой и ключом.

ВИРТУОЗЫ ОБОНЯНИЯ

Наряду с теми людьми, у кого обоняние искажено, утрачено или отсутствует изначально, существуют и феномены, занимающие противоположную сторону шкалы обонятельной одаренности, таланты, из которых самая

знаменитая, пожалуй, – Хелен Келлер. «Чувство обоняния, – писала она, – сообщает мне о надвигавшейся буре за несколько часов до появления каких-либо ее видимых признаков. Сначала я ощущаю всплеск предчувствия, легкую щекотку, напряжение в ноздрах. По мере приближения бури ноздри расширяются, чтобы лучше воспринимать множасьиися и усиливающихся запахи земли, и, наконец, я ощущаю дождевые капли на щеке. Когда же буря стихает, удаляясь, запахи тоже слабеют, угасают и исчезают в просторе». Есть и другие одаренные люди, способные нюхом чувствовать изменения погоды, а уж животные – просто замечательные метеорологи (коровы, например, перед бурей ложатся). Накапливающая влагу, затягивающаяся туманом, словно отдувающаяся земля дышит, как огромный темный зверь. Если барометр «стоит высоко», земля задерживает дыхание, и испарения накапливаются в пустотах и случайных разломах почвы, чтобы выплыть наружу, когда давление понизится и земля выдохнет. Virtuозы обоняния, подобные Хелен Келлер, улавливают испарения, поднимающиеся от земли, и узнают по этому сигналу, что приближается дождь или снегопад. Возможно, примерно так же (пусть частично) домашние животные предугадывают землетрясения – обоняя ионы, поднимающиеся над землей.

Людам, собирающимся на вечеринку в ночь с дождем и бурей, не требуется обильно пользоваться духами, потому что перед бурей они пахнут сильнее – влажность обостряет обоняние, и при низком давлении летучесть жидкостей повышается. Все-таки духи на 98 % состоят из воды и спирта – и лишь 2 % составляют жировые и ароматические молекулы. При низком давлении молекулы испаряются быстрее и могут покидать человеческое тело и переходить в воздух помещения со значительной скоростью. То же самое происходит, даже в солнечные дни, в городах, расположенных в горах, – например, в Мехико, Денвере или

Женева, где из-за высоты атмосферное давление всегда низкое. Идеальным местом и временем для того, чтобы ошеломить окружающих новыми духами, был бы ресторан El Tovar Lodge, примостившийся на головокружительной высоте более чем 2100 метров на краю Большого каньона, в преддверии бури.

Хелен Келлер обладала волшебным даром расшифровывать хрупкие палимпсесты жизни, все те «наслоения», которые большинство из нас видит лишь смутно. Она распознавала «старомодный сельский дом, поскольку в нем содержалось несколько слоев запахов, накопленных чередой семей, растений, духов и занавесок». Как удавалось слепому и глухому человеку так хорошо понимать устройство и внешний облик жизни, не говоря уже о проявлениях человеческой эксцентричности в интересовавших ее областях, – великая тайна. Она обнаружила, что не только у младенцев есть «персональный запах»: по уникальному запаху она могла различать и взрослых. Ее сенсорные способности сосредоточились в обонянии – и она объяснила древнюю загадку привлекательности: «Мужские испарения, как правило, сильнее, живее и более дифференцированы, чем женские. В запахе молодых мужчин имеется что-то стихийное, словно от огня, бури и соленой воды. Он пульсирует от энергичности и вождения. Он словно говорит, что все на свете сильное, красивое и радостное, и дарит мне ощущение физического счастья».

ЗНАМЕНИТЫЙ НОС

Люди, наделенные обостренным обонянием, часто делают карьеру в сфере парфюмерии; те из них, кто наделен богатым воображением и решительностью, создают потрясающие ароматические комбинации. Они должны уметь запоминать и улавливать в море цветов, корней, выделений животных, трав, масел и искусственных ароматов

тысячи ингредиентов, доступных для парфюмера, и, подобно древним алхимикам, соединять их. Им необходимы ощущение равновесия, как у архитектора, и хитрость букмекера. В наши дни лаборатории способны изготавливать имитации эссенций природных веществ, что замечательно, поскольку нельзя получить естественные экстракты, например сирени, ландыша или фиалки. Но чтобы сделать верное подобие розового масла, требуется пять сотен ингредиентов. В Нью-Йорке, близ перекрестка Пятдесят седьмой улицы с Десятой авеню, находится офис International Flavors and Fragrances Inc., где трудятся лучшие профессиональные носы мира. Специалисты отрасли называют фирму просто IFF – протяженное «if» (если), почти «whiff» (дуновение), – это Мекка для всех компаний, имеющих дело с запахом. Там создают едва ли не всю дорогую, широко рекламируемую парфюмерию, появляющуюся каждый сезон на прилавках универмагов, а также многие ароматы и запахи, которые мы ощущаем каждый день, открывая консервированный суп или наполняя гранулами кошачий туалет, – но все это делается анонимно. Именно там создан запах, который столь оригинально рекламирует журнал, посвященный гольфу (оторвите бумажный мячик для гольфа, и вам в ноздри хлынет аромат свежескошенной травы), равно как и запах «пещеры» в парке развлечений, и запахи, присущие лесам Новой Англии, африканским саваннам, Самоа и другим местностям, представленным в Американском музее естественной истории. Сделать так, чтобы искусственное рождественское деревце в воображении нюхающего превращалось в тирольский сосновый бор, – пожалуйста. Вообще-то такая задача – из простейших. В IFF есть «авторы-призраки», создающие чувственные ощущения, изобретатели чудес, ароматов, достойных золотых блюд, которые действуют и влияют на нас, а мы и не замечаем этого. В этих

лабораториях создают 80 % мужских одеколонов и почти столько же женских духов. Хотя IFF отказывается называть имена, в витринах, стоящих в коридорах, можно увидеть изделия Guerlain, Chanel, Dior, Saint Laurent, Halston, Lagerfeld, Estee Lauder и многих других, родившиеся именно здесь. Часть этих «носов» можно увидеть перед мониторами компьютеров, часть – в комнатах, забитых бумагами и сосудами. Именно этим людям приходится преодолевать извечный парадокс, заключающийся в том, что новые духи должны быть, с одной стороны, оригинальными, свежими и возбуждающими, но с другой – не слишком вызывающими или эксцентричными, чтобы они устроили очень многих. Современная технология полосок с образцами запаха («потри и понюхай») заметно облегчает их работу. Возьмите какой-нибудь журнал, и вам обязательно попадутся страницы с запахом кожаной обивки салона «роллс-ройса», или лазаньи, или даже новых духов. Эти полоски, изобретенные 3M Corporation всего десять лет тому назад, содержат микрогранулы с ароматическими веществами. Если поцарапать или надорвать полоску, гранулы лопнут, высвободив запах. Компания Giorgio первой начала рекламировать свою парфюмерию через полоски с запахом. А сегодня трудно найти журнал, не наделенный ароматом. Прямо сейчас у меня на столе лежит целая коллекция – более сорока таких полосок с рекламными текстами: Knowing от Estee Lauder – «Познание – это главное»; образец из феминистской линии Лиз Клейборн – «Тебе нужно всего лишь быть собой»; духи Fendi La passione di Roma с изображением девушки с гладкой как мрамор щекой, страстно целующей статую. Opium от Ив Сен-Лорана обходится без словесных призывов, зато иллюстрирующая образец фотография красавицы, которая лежит, словно полумертвая, опьяненная опиумом, на ложе из орхидей в отделанных золотом покоех, создает емкий, хотя и

извращенный образ духов. В IFF трудятся тридцать дегустаторов запаха, оценивающих в день до ста образцов аромата. Одним весенним днем я познакомилась с их «гениальным носом» Софией Гройсман, полной жизни уроженкой России. Ее зачесанные назад короткие черные волосы удерживала на месте лента в сине-белую полоску. Голубые тени для век подчеркивали живость темных глаз, ногти были выкрашены ярко-красным лаком, а одета она была в джинсовый костюм с серебристыми молниями. Обладательница «носа мирового класса» сидела с одновременно и энергичным, и расслабленным видом за заваленным столом, точно посередине которого возвышалась маленькая статуэтка, изображавшая трех обезьянок, одна из которых не видит зла, другая не слышит зла, а третья не говорит зла. Обезьянку, которая олицетворяла бы необояние зла, традиция не предусматривала.

– Когда вы впервые узнали, что обладаете особенным носом?

– Еще в детстве, в России. Вокруг городка, где я жила, были огромные цветущие луга. – Она сказала это с улыбкой, и взгляд ее на мгновение сделался отсутствующим; судя по всему, память увела ее на сорок лет назад. – И там было немыслимое множество запахов. Казалось, что пахло само небо. Я очень любила собирать цветы...

Резкий стук в дверь. В комнату, вытянув вперед обнаженные руки, решительно входит молодая женщина.

– Не могли бы вы понюхать меня? – обращается она к Софии. София встает, берет сначала левую (более теплую; предположительно из-за близости к сердцу) руку женщины, подносит ее к носу и нюхает запястье, а потом локоть. Потом дважды нюхает вторую руку.

– Ваше мнение? – спрашивает она меня.

Я нюхаю руки.

– Очень мило.

– Но в каком порядке?

Запахи настолько легки, настолько слабы для моего носа, что трудно говорить о них как о четырех разных запахах с индивидуальными особенностями, которые нужно ранжировать. В фильме «Автобусная остановка» есть эпизод, в котором Мэрилин Монро сидит за обедом и играет на тарелке двумя горошинами, решая, какая из них привлекательнее. Что-то одно всегда в чем-то лучше чего-то другого, говорит она своему спутнику, всегда можно выбрать одно из двух. Что касается меня, то в жизни случилось множество совершенно очаровательных моментов, когда два прекрасных объекта оказывались – по разным критериям и в разное время – одинаково прекрасными. Как же тут выбирать? И все же, здесь, на этих вытянутых руках, без сомнения, номер один – преимущественно фруктовый, с легким мускусным оттенком, аромат левого запястья. Второй? Чуть более легкая версия с левого локтя. В запахах на правой руке, кажется, преобладает фруктовая составляющая, но они тоже привлекательны. Я высказала все это Софии, и она понимающе кивнула.

– Будем работать с двумя вариантами, – сказала она.

За окном с раздвижными стеклами, отделявшим кабинет Софии от множества стеллажей, уставленных склянками (воистину кладовая мага), появилась лаборантка.

– Дайте мне формулу «Н», – сказала ей София и, получив требуемое, откинулась в кресле и сделала рукой движение, будто кидала конфетти в воздух. – Сегодня какой-то сумасшедший дом. У нас паника, и я должна к ней присоединиться.

Ароматы и паника? Как такое вообще может быть? Когда я задала этот вопрос, София сделалась непроницаемой как сфинкс. В этом корпоративном мире формулы и все, связанное с ними, держится за семью печатями. Те, кто составляет окончательные сочетания, не знают, что именно

смешивают; ингредиенты и дозы имеют только кодовые номера.

– Мы жили на самой окраине маленького городка, – возвращается к воспоминаниям София, – где были целые рощи сирени и поля нарциссов и фиалок. Эта часть моей родины не подверглась очень сильным разрушениям. Меня окружал мир природных запахов. Ребенком я много гуляла по полям: ненасытное любопытство заставляло меня лезть повсюду. В послевоенное время детей было мало. Меня окружали взрослые, и приходилось гулять в одиночестве и приноживаться ко мху, валежнику и листьям.

– Как создается запах? – спросила я, вспомнив слова одного из великих парфюмеров о том, что идеи приходят к нему в сновидениях; другой же вел дневник, в котором отмечал все запахи, встречавшиеся ему в путешествиях.

– Образ всегда присутствует в мыслях. Можно даже обонять сочетания запахов, похожие на аккорды в музыке. Парфюмерия вообще сродни музыке. Имеются простые запахи, простые аккорды из двух-трех элементов, и это похоже на инструментальный дуэт или трио. Из них слагается сложный многокомпонентный аккорд, и это уже большой современный оркестр. Как ни странно, составление ароматов похоже на создание музыки, и сходство тут заключается в подборе подходящих аккордов. Один звук не должен заглушать все остальные. Мы стремимся к гармоническому сочетанию. Гармония – одно из важнейших правил компоновки. Можно достичь в аромате многослойного проявления нот, и при этом он будет оставаться приятным. Если же аромат скомпонован не должным образом, из него будут торчать «углы», и это будет раздражать. Если аромат плохо сбалансирован, его и примут плохо.

– Группируете ли вы запахи в памяти и мыслях, наподобие того, как в оркестре деревянным духовым

отводится одна роль, а струнным – другая?

– Да, но большая часть созданного мною основана на совершенно абстрактных цветочных аккордах, просто возникающих в моем воображении. Лишь потом я ищу детали и обертона к ним. Прежде всего здесь требуется вдохновение, а затем – умение уравновесить все части, пока не получится то, что хотелось. Я предпочитаю цветочные, очень женственные аккорды. Женские ароматы мне удаются лучше, чем мужские, хотя мне приходилось делать и те и другие. Я создаю также бытовую продукцию...

– Наподобие отдушек для мыла, чистящих средств, полиролей, бумажных изделий и тому подобного?

– Совершенно верно. Но все это делается легко и быстро. Если же я задаюсь целью сделать лучшие в мире духи... на это уходит больше времени.

– Один из руководителей компании сказал мне, что вы создали несколько самых знаменитых духов, какие только знает мир, но не скажете, какие именно.

– Нам нельзя этого рассказывать. – Она вынула из пачки длинную коричневую сигарету и закурила.

– Курение не действует на ваш нос?

– Наверняка как-то действует, но это мой образ жизни, и я привыкла. Всего лишь один из запахов, обычных для моего мира.

– Вы как-то защищаете свой нос, беспокоитесь о его состоянии?

– Ни в коей мере. Я вообще-то весьма легкомысленна. Естественно, я не люблю простужаться: заложенный нос – отвратительное ощущение; парфюмеру чрезвычайно трудно работать в таком состоянии.

– Когда вы ходите по городу, то, наверно, ощущаете его запахи гораздо острее, чем все остальные?

– Знаете, любопытный, даже невероятный феномен: поскольку я много работаю, порой по многу часов, то, когда

выхожу из этого здания, у меня в голове нажимается маленькая кнопочка, и я перестаю чувствовать вообще что-либо. Вплоть до того, что дома на плите может что-то гореть, и я не почувствую! Муж говорит: «Ты парфюмер, и чувствовать копоть тебе не положено!» Мозги отключаются полностью.

Но я обнаружила, что изредка могу включаться, если имею дело с людьми. Кто-нибудь целует меня, и я ощущаю его индивидуальный запах. Совершенно особый запах у кожи маленького ребенка, его макушки. Мужчины ощущают это хуже женщин. Есть люди с поистине сексуальным запахом. Если описывать его, – она взмахнула сигаретой, как указкой, – я сказала бы, что это очень тонкий аккорд амбры и мускуса. Я широко использую его в своих ароматах.

Существует немало аккордов, которые используют все парфюмеры. Но, уловив какой-то аромат, можно определить, скажем так, чья это рука. Другие парфюмеры могут распознать мою работу, а я – их. Нюхая новые духи, они говорят: а-а, это – София, это – Дженни, и так далее. Мы знаем почерки друг друга.

– На той неделе я посетила Saks ради парфюмерной экскурсии, – сообщила я, – и обратила внимание на тенденцию давать духам названия, связанные с опасностью, запретными веществами, невротами и тому подобным. Маркетологи, кажется, предпочитают запахи, вселяющие ощущения уюта и безопасности, любви и романтики, но дают им имена Decadence, Poison, My Sin, Opium, Indiscretion, Obsession, Tabu²⁴. Вдобавок к популярным дизайнерским выдумкам и упакованной во флаконы мистике суперзвезд они предлагают названия веществ, запрещенных законом, и сопровождают их завлекательными намеками. Женщина может быть скромно одета, но думает про себя, что она притягательна, что она опасна, как яд, вызывает *одержимость*, от нее нельзя избавиться, как от пристрастия к *опиуму*; она знает все любовные тайны, даже *запретные*,

готова к гедонистическому *разложению*, достойна любого *безрассудства* и даже готова преступить Божьи законы в *грехе*.

– Это так, но, если присмотреться поближе, вы увидите, что все они основаны на определенных классических ароматах; это всего лишь новая интерпретация классики. Кратковременные успехи случаются довольно часто, но истинная классика живет десятилетиями. Духи Chanel № 5 созданы в начале 1920-х годов и до сих пор отлично продаются. Orium – тоже не новинка: это детище Youth Dew, которому уже почти тридцать лет, этот аромат немного напоминает Cinnabar. Понюхайте все три марки, и сами убедитесь.

– Значит, если пользоваться вашей музыкальной метафорой, новый аромат – это зачастую вариация той или иной известной темы?

Она кивнула.

– Вы сами пользуетесь духами?

– На работе – нет. Я провожу много экспериментов. И пропитываюсь теми ароматами, с которыми работаю. Мне нравится следить за реакцией людей на эти ароматы. Посторонние – хорошие судьи. Работая над одним ароматом, я шла по Пятьдесят седьмой улице, и за мной увязался пьяный. Я испугалась и побежала, а он сказал: «Леди, не бойтесь. Духи у вас больно хороши. Я на запах пошел». Аромат оказался выигрышным.

– Люди пользуются духами с начала времен. Не кажется ли вам это странным? Наносить на тело цветы, фрукты и выделения животных? Почему мы так поступаем?

– Ах, – сказала София, пошевелив пальцами, будто выпускала дюжину бабочек, – когда я в первый раз увидела «Гернику» Пикассо, то была потрясена. Сразу и напугана, и восхищена. Картина потрясла и глубоко растрогала меня. Так же и духи – они потрясают и восхищают. Мы живем

слишком тихо. Нас нужно потрясать восхищением.

Один из наиболее трогательных случаев, – неожиданно сказала моя собеседница, – произошел со мной, когда я сделала один бытовой продукт – ароматизатор для стирального порошка. Я шла по улице, а рядом со мною две пожилые леди покупали газету. Я обратилась к ним: «О леди, вы стираете одежду тем-то и тем-то». – «Откуда вы знаете?» – удивились они. Эти дамы были счастливы, и я тоже, поскольку они не могли позволить себе духи за две-три сотни долларов, но могли купить стиральный порошок, и радовались, что он приятно пахнет. Я же обрадовалась тому, что соприкоснулась с той частью человечества, которая никогда не сможет купить духи вроде тех, какие вы только что нюхали.

– Какое же счастье жить вот так, создавая ароматы, позволяющие женщинам повышать свою самооценку.

– В нашей работе бывают и весьма тяжелые часы. Жизнь парфюмера – вовсе не пикник. Она совсем не такая, как хотелось бы. В старое доброе время среди парфюмеров встречались «вольные художники». Знаменитый парфюмер делал один аромат за три-четыре года и не знал никаких ограничений – ни по цене, ни по срокам работы. Можно было проводить два-три эксперимента в день на протяжении, допустим, недели, а потом в буквальном смысле жить с ним, ходить с этим ароматом несколько недель – и никто не торопит. Ну а сейчас все до крайности коммерциализировано. Хочешь делать то, что принесет тебе имя, а компании деньги, – делай быстро. А духи нельзя сделать за ночь. У всех парфюмеров есть малые аккорды, которые они за десять лет практики не использовали, но хранили в памяти. И кто-то говорит: мне нужен цветочный аромат; помню, такой у меня был десять лет назад. Но он должен быть новым. Только дурак станет продавать копию. Плагат (даже самоповтор) недопустим. Нужно начинать с

нуля. Но существуют аккорды, к которым можно обращаться в каждой теме – своего рода стандартные блоки. Я составляю где-то от пятисот до семисот формул в год. Может быть, из этого выйдет лишь два промышленных сорта, но это вовсе не значит, что все семьсот формул неудачны.

– У вас не разрывается сердце, если потребитель не принимает созданную вами формулу, которая по-настоящему нравится вам?

Она закатила глаза, ее лицо посуровело.

– Конечно, такое бывает. Я всегда стараюсь со временем использовать эти формулы, так что они не пропадают впустую. Нужно верить в свои ароматы, не сомневаться в том, что они займут должное место, что рано или поздно это обязательно случится. Я очень настойчива. Я постоянно возвращаюсь к своим наработкам, переосмысливаю их.

Вот, к примеру, моя совсем свежая работа. Сказать, как она называется, я вам не могу, но это эксперимент. И пользоваться этим ароматом – тоже эксперимент. Мне изделие очень нравится. Главный аккорд аромата появился довольно давно из аккорда, который я назвала *cleavage* – «декольте»; у меня много таких названий, которые я для себя даю тому или иному продукту – например, «безголовый», «бездонный». А «декольте» для меня пахнет, как кожа юной женщины здесь. – Она указала рукой на область между шеей и верхом груди. – В этом аккорде есть нечто чувственное и сенсационное.

Взяв длинную полоску бумаги для образцов, она обмакнула кончик в янтарный флакон, заполненный маслом, и вручила мне. Я легкими взмахами руки подогнала аромат к носу, и на меня хлынул аромат цветочного шербета. Запах был юным, девическим, невинным и ассоциировался с блузкой в оборочку и кожей с чуть заметными веснушками.

– Это очень простой, но довольно неоднозначный запах. Он косвенным образом говорит: «Обними меня». В нем есть

сексуальная нота, которую обожают мужчины. – Она дала мне другую пробу – свежее и чуть живее. – А вот какими будут, собственно, духи. Первый образец, масло, – это скелет. А это – результат. Состав из первой бутылки прошел длинный путь до итогового продукта – духов. Они в основном цветочные, но чем больше их нюхаешь, тем нежнее становится запах.

– Из всего, что вы сделали, – какие духи самые чувственные?

– Интересный вопрос. То, что одним представляется сексуальным и чувственным, для других может и не быть таким. По-моему, вот эти духи чувственные – не сексуальные, но чувственные.

– А как насчет стиля обольстительницы-вамп?

– Попробуйте эти.

Она вручила мне следующий образец. Я поднесла его к носу и ощутила мощный отклик. Я почувствовала на корне языка нечто густое и вязкое, наподобие сливочной тянучки. Это нечто как будто обладало тонкой виниловой оболочкой, а вокруг, казалось, распространялся шипучий мускусный ореол. Аромат и впрямь был влекущим.

– Что это? – спросила я, чувствуя, что лицо само расплывается от удовольствия.

– В основе здесь формула, близкая к Shalimar. Они еще не вышли на рынок.

– В отличие от первых, которые вы показали, – «декольте», – эти вызвали у меня сильную физическую реакцию. Я ощущаю их даже на вкус.

Она рассмеялась.

– Да, именно так о моих духах часто говорят – что они ощущаются на вкус. Я вкладываю душу во все, что делаю. Я хочу, чтобы мои произведения возбуждали одновременно и вкус, и обоняние, и эмоции.

– Можете ли вы представить себе духи, какие не могли

бы создать? Есть ли какая-то идеальная форма, к которой вы стремитесь?

– О, я хотела бы создать духи, столь притягательные для мужчин, чтобы они не могли устоять ни перед одной женщиной. Это была бы самая невероятная вещь, какую только можно сотворить в жизни. Но это не профессиональное стремление, а чисто женское.

– Тогда весь мир окажется под угрозой.

– Да! – с удовольствием согласилась она.

– Когда составите их, дайте мне знать. Хочу быть вашей первой морской свинкой.

– Моей первой морской свинкой буду я сама.

ПОДНОШЕНИЕ БОГАМ

Когда я покидала IFF с его карнавалом новых ароматов и статусом Fortune-500²⁵, его тайными коридорами, которые переплетаются, расходятся и сливаются, как сами запахи, я вышла на улицу, в приземленную и угрюмую атмосферу. Канализационные люки – большая потовая железа города – выбрасывали испарения. Как удается «профессиональному носу» сохранять чувствительность в городе, где витают бесчисленные запахи, в том числе весьма едкие? Парфюмеры – не единственные профессиональные «носы», которым необходимо выживать в этой городской клоаке. Врачи всегда руководствовались обонянием (наряду со зрением, осязанием и слухом) при диагностике – особенно во времена, когда еще не существовало нынешней сложной техники. Было известно, что от тифозного больного пахнет мышами, от диабетика – сахаром, от зачумленного – сладкими яблоками, от больного корью – свежеоципанными перьями, при желтой лихорадке – мясной лавкой, при нефрите – аммиаком²⁶.

Все наши органы чувств нам не просто необходимы – нам их мало, хотелось бы, чтобы их было больше. И если нужно,

мы стараемся сделать к ним искусственные надстройки – вроде сканирующих электронных микроскопов, радиотелескопов, атомных весов. Но сделать эффективные усилители обоняния мы не можем. Пусть обоняние – реликтовое чувство, но временами оно бывает очень ярким, необходимым, и эти инстинктивные проявления иногда поистине экстатические. Потребность в обонянии у нас действительно небольшая – оно необходимо разве что для того, чтобы способствовать вкусу и распознавать некоторые опасности, но мы не откажемся от него. Мы на это не согласны. Эволюция упорно пытается выдернуть его у нас, осторожно забрать из рук, пока мы спим, как плюшевого зверька или любимое одеяльце. А мы все крепче цепляемся за него. Мы не хотим отрываться от царства природы, которое живо благодаря обонянию. Улавливаемые нами запахи по большей части случайны. Ароматы и яркие краски нужны цветам как аттрактанты для полового размножения, листья обладают ароматическими средствами защиты от хищников. Привлекательные для нас пряные ароматы специй в основном исходно предназначены для отпугивания насекомых и животных. Мы восхищаемся военным искусством растительного мира. В джунглях Амазонии быстро понимаешь, что в растениях нет слабых характеристик. У деревьев нет возможности подать в суд на соседей или хотя бы ударить в ответ, и поэтому, чтобы выжить, они развили в себе высокую изобретательность и агрессивность. У некоторых под корой образуется слой стрихнина или других ядов, некоторые растения плотоядны, а некоторые обзавелись цветами с пышными султанами, вроде метелок из перьев, чтобы наносить пыльцу на любое насекомое, птицу или летучую мышь, прилетающую на манящий запах такого растения. Есть орхидеи, цветы которых точно копируют репродуктивный орган самки пчелы или жука; обманутые самцы пытаются копулировать, и цветок щедро осыпает их

пыльцой. На Багамских островах растут кактусы вида Селеницереус – «Царица ночи», – которые бурно расцветают, осуществляют половой цикл за одну ночь в году и к утру отцветают. За несколько дней до этого у кактусов появляются большие бутоны, готовые к оплодотворению. Однажды ночью я проснулась от интенсивного запаха ванили, и знаете, что увидела? Весь двор, залитый лунным цветом, белел огромными, тридцать сантиметров диаметром, цветами. Между ними метались сотни бражников. Воздух сотрясал собачий лай, множество бабочек шуршали крыльями, словно кто-то проводил пальцем по обрезу книги, быстро листая страницы, а обоняние захлестнул ванильный запах нектара этих цветов, которые прекращают существование на рассвете, оставляя кактусы удовлетворенными на целый год.

В древности, когда благовонные вещества ценились на вес золота и были окружены тайной, алхимики отправлялись на поиски их целебных или афродизических свойств. Обоняние содействовало распространению языков, эволюция которых зависела от близости к перекресткам торговых путей. В погоне за специями, благовониями, лечебными травами и экзотическими талисманами люди пересекали континенты и моря, а по возвращении должны были иметь возможность торговать и, соответственно, вести записи. Не помню, чтобы кто-нибудь устраивал праздники обоняния и вкуса во время торжеств по поводу двухсотлетия США в 1976 году. Но мы склонны забывать, что причинами путешествия Колумба были не только капиталистические интересы, жажда приключений и самоутверждение, но и поиск источника наслаждений для органов чувств. В путь через просторы соленых вод его не в последнюю очередь толкнуло доходившее до одержимости пристрастие европейского общества того времени к пряностям и ароматическим веществам.

Парфюмерия зародилась в Месопотамии, когда во время религиозных церемоний сжигали благовония, чтобы заглушить запах горящего жертвенного мяса. Ароматические вещества использовали для экзорцизма, лечения больных, а также после половых сношений. Слово «парфюмерия» – французского происхождения, от *parfume*, имеющего, в свою очередь, латинские корни, описывающие действие вещества: *per* (сквозь) и *fumare* (дымиться). Благовония бросали в огонь, чтобы они заполняли небеса потусторонним магическим дымом, который, попадая в ноздри, создавал иллюзию, будто таким образом в человеческое тело проникают беспокойные дýхи. Ароматический дым возносился с земли в небеса, в царство богов. На вершине знаменитой вавилонской башни, приближавшейся к небесам более, чем это доступно смертным, жрецы жгли костры из благовоний. Как следует из истории моды и роскоши, слагавшейся на протяжении многих веков, изначально благовонные вещества предназначались только для богов, затем к ним получили доступ жрецы, затем богоравные правители, потом вожди, потом их приближенные, то есть круг потребителей расширялся, спускаясь по социальной пирамиде. Доисторические люди наносили ароматические вещества на свои тела – так же, как представители самых разных культур делают это и сегодня. Знакомый антрополог, работавший с индейскими племенами Амазонии, рассказывал об одном племени, где женщины носят нечто вроде юбок из шалфея, а мужчины используют в качестве дезодоранта ароматные корни, которыми натирают руки. Первой цивилизацией, оставившей регулярные и подробные сведения о неумеренном употреблении благовонных веществ, был Древний Египет. Для сложнейших процедур бальзамирования и погребения требовались ароматические вещества и мази. Благовония тоннами сжигались в ходе ритуалов поклонения богам. Пристрастие к благовониям

дошло до одержимости в эпоху Нового царства (1580–1085 до н. э.), при царице Хатшепсут: она приказала разбить большие ботанические сады и жечь благовония на террасах ее храмов. Египтяне более чем щедро расходовали благовонные вещества в религиозных церемониях, а впоследствии стали обширно использовать их и в личных целях, особенно в эпоху египетского золотого века. Они использовали духи, чтобы отгонять злые чары и в медицинских целях, применяли косметические лосьоны, поскольку высоко ценили шелковистую, ароматную кожу. Египтяне изобрели анфлераж (технология получения из цветов ароматических масел) и научились делать для хранения парфюмерных средств красивые стеклянные сосуды, в том числе в стиле Миллефиори и других, которые венецианские стеклодувы воссоздадут через много веков; они практиковали сложные методы повышения привлекательности и достигли почти современного искусства в макияже. Доведись нам пронаблюдать за тем, как древнеегипетская женщина украшает лицо и делает прическу, готовясь к пиру, мы увидели бы ее за туалетным столиком, заваленным множеством элегантных, украшенных тонкой отделкой косметических ложечек, баночек для мази, вазочек, флаконов и коробочек с тенями для глаз. На плече у нее вполне может оказаться татуировка с изображением скарабея или цветка: египтянки любили татуировки. (Когда в 1920 году во вскрытой древнеегипетской гробнице нашли мумию с красивыми татуировками, леди Рэндольф Черчилль и другие светские дамы решили вытатуировать на себе скарабеев.) Древнеегипетская светская дама, направляясь на вечеринку, прикрепляла бы к темени конус из ароматизированного воска, чтобы он медленно таял и покрывал ее лицо и плечи пленкой благовонного сиропа. Вероятно, это ощущалось так, будто по телу бегают крохотные жучки, перекатывающие ароматные шарики.